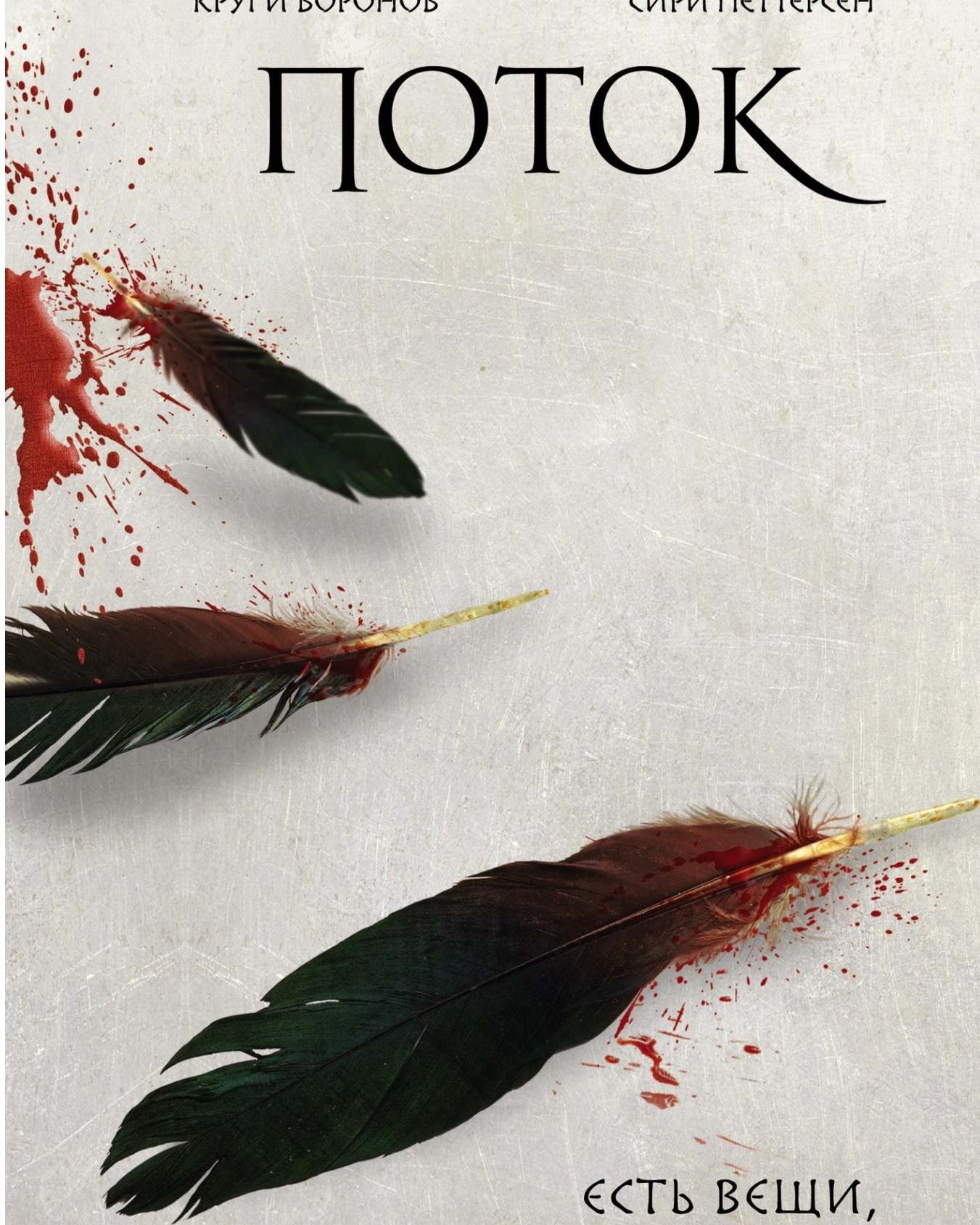

КРУГИ ВОРОНОВ

СИРИ ПЕТТЕРСЕН

ПОТОК

ЕСТЬ ВЕЩИ,
КОТОРЫЕ МЫ
ТЕРЯЕМ НАВСЕГДА

Круги воронов

Сири Петтерсен

Поток

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.113.5-312.9
ББК 84(4Нор)-44

Петтерсен С.

Поток / С. Петтерсен — «Эксмо», 2015 — (Круги воронов)

ISBN 978-5-04-111693-4

Хирка готовится встретиться с правящим домом в холодном иерархическом мире, где царит презрение к слабости. С неохотой она принимает судьбу, надеясь сохранить жизнь Римеру и уберечь Имланд от опасности. Но жажда приобщиться к Поток в мире слепых неистребима. А война – неизбежна. Теперь Хирка должна найти ответ на вопрос: на чьей она стороне?

УДК 821.113.5-312.9

ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-04-111693-4

© Петтерсен С., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Возвращение из Шлокны	6
Дрейсиль	12
Место, где царит свобода	17
Проблема	22
Судья	28
Колайль	32
Трещины	38
Балансируя на грани	43
Новый мастер	48
Падший	54
Гиннунгад	57
Кровь от моей крови	64
Источник	70
На дне	74
Счастливчик	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сири Петтерсен

Поток

Siri Pettersen

Evna

Copyright © Siri Pettersen 2015 by Agreement with Grand Agency

© Лавринайтис Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Тебе, кто пишет свою первую книгу

И тебе. Тебе, кто ощутил вкус потери.

*Тебе, на ком столько шрамов, что тошнит, когда тебя называют
счастливчиком.*

*Тебе, кто сомневается, что однажды обретёт целостность, потому
что душа разбита на великое множество осколков.*

Тебе, кто думает, что уже никогда не сможет подняться на ноги.

Это твоя книга.

Возвращение из Шлокны

Ример нёсся по склону холма. Он был уверен, что в темноте его никто не видит. Добежав до гребня, прижался спиной к скале и оглядел равнины, рассчитывая увидеть пустынную местность, но перед глазами длинными рядами раскинулся лагерь. Ровные шеренги палаток выстроились по определённому плану. Так делают, когда дисциплина – это движущая сила и есть тот, кто принимает решения.

Армия.

Определить размер отряда в полной темноте оказалось тяжело. Судя по количеству факелов, в нём насчитывалось не меньше пары тысяч воинов. На снегу виднелись следы, которые паутиной чёрных вен вились между палатками. Вокруг костра собирались мужчины. Они шли пружинистой поступью и громко смеялись. Римеру было хорошо знакомо их настроение. Пожалуй, они находились здесь первый или второй вечер. Явились заблаговременно и будут молча сидеть, согнув спины. Это те, кто не замёрз насмерть и не заболел в прошлом походе.

Вымпелы безвольно повисли, но Ример знал, что на них изображён знак Всевидящего. Армия Маннфаллы встала лагерем под стенами города. Почему? Чего они ждут? Какой приказ получили и от кого?

Она была права.

Дамайянти сказала, что он найдёт войско. А ещё заявила, что всё это происходит из-за него. И из-за Равнхова. Но близость танцовщицы к Совету скончалась вместе с Урдом. Её догадки ничуть не лучше его собственных.

Разумеется, армия могла собраться на учения. Или для передислокации. Или из-за беспорядков, отголосков недавней войны...

Все эти объяснения не выдерживали критики. В груди Римера разрасталось беспокойство, гнетущее ощущение того, что всё идёт не так, как надо.

Неужели всё дело в кругах воронов? Возможно ли вообще перемещаться между мирами, не чувствуя, как земля уходит из-под ног? Наверняка некоторая неуверенность в этом случае вполне ожидаема.

Нет, не простое ощущение, а твёрдая уверенность не позволила ему отправиться прямо домой. Ример отсутствовал каких-то двадцать дней, но за это время кто-то снова вытащил воинов из тёплых постелей. Охрану городских стен усилили, многих стражей сменили мужчины, которых он раньше не видел.

Что-то не так.

Надо поговорить с Ярладином.

Ример побежал по направлению к Эйсвальдру. Плотный снег поскрипывал под ногами. Блудный член Совета приблизился к городской стене и стал двигаться с осторожностью, прячась за можжевельновыми кустами. Четверо стражей расхаживали над воротами. Вымощенная камнем дорога была пуста, насколько хватало глаз, и напоминала в темноте серого пятнистого змея. Ример отыскал место вне поля зрения охраны, где можно перелезть через преграду.

Затем он снял перчатки, стряхнул с них снег и засунул в карман заплечного мешка. Слился с Потоксом и начал взбираться вверх. Неровностей на каменной поверхности хватало, парень цеплялся за них и подтягивался, пока не перевалился через край стены, потом пересёк её и прыгнул на крышу. Один кусок черепицы отвалился и покатился вниз. Ример бросился к нему и схватил за мгновение до того, как тот свалился с водосточной трубы.

Бывший Колкагга сидел, сжав черепицу в руке, и прислушивался. Где-то поблизости хлопнула дверь. Что-то шуршало в переулке у него под ногами. Крыса. Она вонзила зубы в тушку голубя и волокла её по замёрзшей листве.

Ример закрепил черепицу и побежал по крышам дальше, в Эйсвальдр. На протяжении всего пути дома стояли вплотную друг к другу. Он добрался поверху практически до самой Стены, и только тогда пришлось спуститься вниз.

Сама по себе Стена не являлась преградой. Имлинги всегда ходили из Маннфаллы в Эйсвальдр и обратно, когда хотели. И всё же здесь охрану тоже усилили. Стражи стояли по обе стороны арочных переходов. Знак яснее любого дорожного. Все объезды страхом.

Ример нырнул в проулок за трактиром. Из распахнутого окна доносилась песня. В этой части города мелодия в исполнении полупьяных певцов звучала довольно чисто. Он скинул с плеч мешок, сместил мечи ближе к середине спины и закрепил их вдоль позвоночника. Теперь они не были видны, не торчали из-за плеч, объявляя войну. Ример надвинул капюшон на лицо и пересёк площадь. Стражи окинули путника ленивыми взглядами, но позволили беспрепятственно войти в Эйсвальдр.

Родной город. Город Совета. Город Всевидящего.

Всевидящего, которого он убил.

Вместе с этой мыслью накатило воспоминание: Наиэль шипит, как кошка, загнанная в угол. Тело оказывает сопротивление мечу. Кровь на голых ногах Хирки. Её взгляд, переполненный горем. Она почувствовала себя обманутой.

Я тот, кто я есть.

Ример взглянул на каменный круг. Он сверкал фальшивой невинностью, как верхушка айсберга. Валуны вошли в землю настолько глубоко, что свешивались с потолка пещеры под Маннфаллой, откуда беглый ворононосец только что явился втайне от любопытных глаз.

Здесь, на поверхности, виднелись только бледные глыбы на фоне тёмного неба у самого верха лестницы, ведущей туда, где когда-то находился Зал Ритуала. Туда, где когда-то стоял сам Ример – в центре круга, в окружении всех до единого жителей города. А на земле у ног победителя истекла кровью Свартэльд. И ради чего?

Ример сгорбился и пошёл дальше. Он уже потратил слишком много времени на скорбь и раскаяние. Так много, что даже думать об этом не хотелось. Теперь он должен выяснить, что произошло за время его отсутствия.

Дом Ярладина располагался высоко на горе и был одним из многих в ряду ухоженных жилищ семей Совета. Ример проскользнул между замёрзшими фруктовыми деревьями. Он старался ступать на камни так, чтобы не оставлять следов на снегу: надо продолжать скрываться по крайней мере до тех пор, пока не выяснится, что творится вокруг. Ример перелез через ограду позади здания. Было поздно, но в окне второго этажа мерцал свет.

Дом представлял собой величественную постройку в андракарском стиле. Его украшали ряды колонн и резьба по тёмному дереву. Забраться по стене оказалось проще простого.

Ример подтянулся, вскарабкался на скошенную крышу и прошёл по выступающему карнизу к окну. Положил ладонь на стекло и подождал, пока лёд растает и станет видно, что происходит в помещении.

Ярладин с пустым бокалом в руках находился в комнате один, сидя на скамье и глядя в очаг, как будто ждал, когда погаснет огонь. Широкая спина ссутулилась. Римеру было больно за этим наблюдать, ведь он понимал, что сам является частью бремени, под которым склонялись плечи члена Совета. Молодой ворононосец исчез, никого не предупредив и ничего не объяснив.

Он поборол внезапное желание спуститься вниз и остаться в забвении, стать чёрной тенью в зимней ночи. Когда же он в последний раз наслаждался теплом?

Делай то, что необходимо.

Ример оглянулся, убедился, что в комнате никого больше нет, а потом трижды постучал по стеклу. Ярладин вздрогнул и уронил бокал на пол, но тот не разбился. Затем посмотрел на

окно, подошёл ближе и прищурился, подняв плечи. В глазах отразилось узнавание. Искреннее изумление. Мужчина принялся дёргать щеколду.

Ример подвинулся, чтобы оказаться с правильной стороны от рамы. Хозяин дома распахнул створки и схватил неожиданного гостя так крепко, как будто тот вот-вот должен был упасть, а потом помог ему забраться в комнату и прижал к себе. Ример оказался в медвежьих объятиях и утонул в тепле.

Член Совета отстранил парня на расстояние вытянутой руки и оглядел с головы до ног. Потом опустил ладонь на его макушку и ухватил за волосы, как будто хотел дернуть за пряди в наказание, но не сделал этого. Глаза Ярладина увлажнились. Ример застыл. Он знал, что тёплый приём скоро закончится. Признаки ухудшения настроения уже читались на лице мужчины. Радость сменялась смятением.

– Где ты был? – пробормотал он.

Ример не ответил, отошёл и закрыл окно.

– Где ты был?! – голос срывался, как будто хозяин дома знал, что ответ причинит ему боль.

Смертельно уставший юноша взглянул на стоявший возле очага стул. Вот бы опуститься на него! Отдохнуть. Поспать. Без сновидений. Но вместо этого нужно держать ответ и попытаться объяснить необъяснимое.

– Если я расскажу, ты мне не поверишь, – сказал он.

– Где ты был, Ример Ан-Эльдерин? – в голосе члена Совета прозвучала скрытая злость. В комнате повисла немая угроза. Ярладину требовалось объяснение, причём приемлемое. Возможно, он считал ворононосца умершим, но в словах слышалось куда более глубокое отчаяние.

Ример заставил себя спросить:

– Что произошло?

– Что произошло? – Ярладин повторил эту фразу так, словно она вмещала в себя всю вселенскую глупость. – Что произошло?! Ты убил в поединке собственного мастера и исчез! Вот что произошло! Вся Маннфалла присутствовала при этом, но с тех пор тебя никто не видел. Я считал, ты спишь в Шлокне! Думал, Даркдаггар наконец прикончил тебя. Я думал...

Ример отвёл взгляд, не желая смотреть в глаза собеседнику. Однако это не помогло, потому что член Совета взирает на него с портрета на стене, на которой в золочёных рамах висели изображения самого Ярладина и его родных. Куда бы гость ни повернулся, за ним наблюдали. Он был холодным чужаком в тёплой комнате. Каменный очаг и балки под потолком напомнили о Равнхове и об уюте, который предназначался не для него.

– А остальные? Что подумали они?

Ярладин развёл руками.

– А ты как считаешь? Объяснений ходило много, одно безумнее другого. Тебя убили Колкагги, чтобы отомстить за Свартэльда. Равнхов сжёг тебя заживо. Ты утопился в Оре, или ещё лучше: Совет сам избавился от тебя. Эта версия была самой популярной в кабаках, как будто у нас без этого мало проблем! Ример Ан-Эльдерин исчез после дуэли и обвинений в убийстве. Твоё отсутствие отравило нас... А ты на что надеялся? Ты же являлся ворононосцем!

Ярладин схватил с подноса на столе другой бокал и наклонил над ним бутылку, но та оказалась пуста – из неё не вылилось ни капли. Костяшки пальцев, державших горлышко сосуда, побелели.

– Собаки набросились друг на друга. Естественно, одна семья подозревала другую. В коридорах запахло извечной несправедливостью. Так что сейчас все заключают союзы, покупают стражей, создают частные армии и думают, что делают это втайне от остальных. Но каждый идиот понимает, что деньги утекают из Маннфаллы в регионы. Весь мир знает, что Совет трещит по швам. Скоро мы увидим, как страны пойдут друг на друга. Вот что произошло, мальчик! Спасибо, что спросил!

Ример уселся на скамью и провёл рукой по лицу.

Значит, вот откуда взялись воины у городских ворот. Они направляются в другие регионы в качестве подарков. Для поддержки союзов. Для покупки лояльности...

Опасное положение, но всё ещё можно исправить. Надежда есть. В Совете имелись пустые кресла. Кресло Урда. Кресло Даркдаггара. Их можно использовать для стабилизации ситуации.

– Кто-нибудь предъявил права на место Даркдаггара в Совете?

Ярладин тихо рассмеялся. Правда шрамом прорезала его лицо.

Ример поднялся. Он чувствовал, как под кожей разливается холод.

– Он по-прежнему его занимает?

Вопрос повис без ответа. Юноша повысил голос:

– Он пытался убить меня, но по-прежнему сидит в кресле?

– Тебя здесь не было! – прошипел Ярладин. – Тебя здесь не было, и ты не мог совершить суд. Даркдаггар утверждал, что сознался под давлением. Он сказал, что ты явился к нему домой. Явился без приглашения. Угрожал. Ему было нечего терять, Ример. Нечего. Так что он играл на всех струнах. Свалил вину на Равнхов – ты ведь там находился во время покушения. И все поверили Даркдаггару. Сделали вид, что поверили. Потому что *хотели* поверить! Потому что он был нужен Совету. И потому что ты служил ходячей катастрофой с тех пор, как стал ворононосцем. Большинство из занимающих кресла за столом собственноручно прикончили бы тебя, если бы у них была хотя бы надежда на успех, так что да, Даркдаггар сохранил своё место. Если бы ты позволил наёмному убийце жить, у нас, за неимением лучшего, хотя бы имелся свидетель.

Ример прислонился к стене и закрыл глаза. Затем холодно рассмеялся.

– Ты говоришь, как она. Живи и дай жить другим, да? Ты действительно думаешь, что Даркдаггар позволил бы ему дать показания? Тот убийца умер, как только согласился выполнять работу.

За гнев надо платить. Сосредоточься на том, что ты можешь изменить.

На какое-то мгновение Римеру показалось, что эти слова принадлежали Свартэльду, но на самом деле их произнесла Илюме. Мать его матери. Шёпот из Шлокны. И жёсткое напоминание о политике, в которой он никогда толком не разбирался.

Ример посмотрел на Ярладина. Седобородый бык. Пламя окрасило половину его лица в красный цвет, а вторая половина скрывалась в тени, как будто одной ногой он стоял в Шлокне.

– Теперь я вернулся, – сказал нежеланный ворононосец. – Всё можно исправить. Есть много способов, например...

– Ример... У Совета была всего *одна* мечта – избавиться от тебя. Ты собственноручно осуществил её. Всё кончено. Они никогда не примут тебя обратно. Эйр вновь стала ворононосицей. Я думал, что авгуры и народ запотестуют, но никто и камня не бросил. Они слышали, что ты пообещал одно кресло Равнхову. Они слышали, что хёвдинг в конце концов убил тебя за то, что ты не сдержал слово. Даркдаггар неплохо потрудились, очерняя тебя. Ходят пересуды, что ты лишился рассудка. Убил невинное дитя в Рейкавике. Мальчика.

Слова Ярладина больно ударили по Римеру. Они открыли рану, полную воспоминаний. Деревня у реки, жители которой считали, что на них напал набирн. Трупорождённый. Но в земляном погребке оказался всего лишь раненый медведь. Дитя... Слабенькое тельце у стены. Рыжие волосы. Мёртвые глаза. Ример помнил, как мужчина, который убил мальчика, опустился перед ним на колени. И не мог забыть привкус собственной ярости. И всё же он медлил. Дело завершил Свартэльд. Свартэльд, который пожертвовал собственной жизнью, чтобы научить его доводить любое дело до конца.

Ример схватил Ярладина за руку.

– Ты знаешь, что произошло! Я никогда... Я бы никогда...

Их взгляды встретились, и юноша всё понял.

Не имело никакого значения, каким образом обстояли дела на самом деле. В дом вместе с ним заходил только Свартэльд, а он больше ничего не может засвидетельствовать. Как и наёмный убийца.

Ример вновь опустился на скамью. Он забыл всё то, что сам объяснял Хирке, как ему теперь казалось, целую вечность назад. Истина не принимается в расчёт Советом до тех пор, пока она бесполезна.

Ярладин приблизился и навис над гостем во всю мощь своего бычьего тела.

– Так Расскажи же мне... Где ты был?

Ример почувствовал тяжесть на сердце. Словно мертвецы и несправедливость затягивают его в болото. Мысли подёрнулись туманом, будто от вина. Ничто больше не было настоящим.

Где-то в самой глубине души Ример знал: он кое-что совершил. Нечто важное, за что стоило заплатить высокую цену. Это прозвучит безумно, но он должен всё рассказать.

– Я был у неё, – начал он. – Был у людей. Я нашёл трупорождённых братьев, старых, как сам Поток. Набирнов, которые до сих пор помнят войну. Один из них – её отец. Она наполовину слепая, Ярладин. Наполовину человек, наполовину слепая. Дочь полководца в изгнании. И я нашёл *его*. Всевидящего...

Собеседник коснулся рукой лица. Жест выдал его. Ример знал, что он думает. Совет прав. Ример Ан-Эльдерин, внук Илюме, лишился рассудка. Впал в безумие.

Ример поднял глаза.

– Он существовал. Всевидящий существовал на самом деле.

Ярладин сложил руки на груди.

– И что же ты сделал, когда встретился с ним?

Римеру казалось, что отчаяние вот-вот поглотит его.

– Я убил его.

– Ты нашёл Всевидящего и убил его?

Ример кивнул и уставился в горящий очаг. Пламя угасало. Красные искры плясали по обугленным дровам. Он должен ощущать что-то другое, не пустоту.

– Значит, ты победил собственного призрака. Последовал за ней Всевидящий знает куда, а теперь вернулся и думаешь, что в мире ничего не изменилось. Что ни одно из твоих действий не имело последствий. А ведь у каждого есть свой призрак, с которым он ведёт битву.

Ример встал.

– Ты считаешь, я выдумываю...

Ярладин ткнул в него пальцем.

– Я делал всё, что было в моей власти, чтобы защитить тебя! ВСЁ! В Совете у тебя имелся всего *один* друг, а ты исчез! Не сказав ни слова! Я помогал тебе. Я... – Мужчина замолчал и склонил голову набок. В его взгляде нарастало недоверие. Он искал то, чего найти не мог: хвост.

Никакое объяснение не поможет. Между ними разверзлась пропасть с отвесными стенами. Ример не сумеет одержать победу. Не сегодня.

Член Совета побледнел и попятился. Его реакция доставила юноше пугающее удовлетворение, как будто он внезапно вновь обрёл власть и свободу быть проклятым.

Ример подошёл вплотную к Ярладину. Тот отстранился и попытался увеличить расстояние между ними, как будто разговаривал с больным чумой. А может, так оно и было.

Это я гниль. Не она.

Ример хрипло прошептал на ухо собеседнику:

– Я отрубил его. Стал бесхвостым. Человеком. Думаешь, я сделал это в припадке безумия? Оттого, что потерял рассудок? Я поступил так, потому что мне пришлось. Ты говоришь о грядущей войне. Страны пойдут друг на друга, власть Совета висит на волоске... Считаешь,

хуже быть не может? Я расскажу тебе такое, от чего кровь застынет в венах. Страна на страну – это детский лепет по сравнению с тем, что надвигается на нас. Если мир пойдёт на мир, попробуй-ка остановить их. *Вот* против чего я сражаюсь.

Ярладин отвернулся.

– Ты следуешь за ней, вот и всё, – его голосу недоставало уверенности.

– Уже нет. С этим покончено. Как и со всем остальным. – Ример почувствовал, что слова пронзают его насквозь, испытал неожиданно резкую боль и поэтому повернулся спиной к члену Совета. Затем открыл окно, запрыгнул на подоконник, посидел немного на корточках, собрался с мыслями и вновь повернулся к Ярладину.

– Я не знал, кого обнаружу здесь. Врага или друга. Но я точно уверен в том, кем является Даркдаггар. Представляю, на что он способен, если окажется под давлением. Не сомневайся, он приглядывает за тобой.

– Думаешь, ты разбираешься в членах Совета, Ример? Ты слеплен совсем из другого теста, нежели они.

– Я разбираюсь в убийцах.

Ярладин отступил на шаг назад. Его нога наткнулась на бокал, который упал на пол. Сосуд раскололся на две части. Разбился.

– Здесь для тебя опасно, Ярладин. Для тебя и твоей семьи. У тебя мало друзей в Совете, а Даркдаггар – коварный имлинг. Возможно, тебе стоит уехать из Маннфаллы.

– Никогда.

Другого Ример и не ожидал.

– Тогда хотя бы пообещай, что ещё какое-то время убережешь Внутренний круг от распада.

– Хочешь, чтобы они держались *вместе*? Члены Совета, который ты изо всех сил старался разрушить?

Ример мог бы улыбнуться от иронии ситуации, но только не сегодня.

– Да, я желаю именно этого. Потому что теперь мне известна альтернатива. То, что может произойти потом, никому из нас не понравится.

Он встал на ноги и приготовился прыгнуть.

– Ты облегчил им задачу, – сказал Ярладин у него за спиной. – Раньше они бы не решились отнять у тебя жизнь. Испугались бы народного гнева. Или, что ещё хуже, мести Колкагг. Ни того ни другого им больше бояться не нужно. Ты для них мёртв.

– Таким я и останусь. – Ример слился с Поток и растворился в холоде ночи.

Дрейсиль

Из мрака в свет.

В ослепительно-белый. В метель.

Ветер пронесил мимо неё снежинки. Наискосок. Или она падает?

Хирка прижалась к стене. Камень. Сугробы. Она прошла сквозь врата.

Сражаясь с тошнотой, она сделала глубокий вдох. Лёгкие защипало. Холодно. Как же холодно. Что-то треснуло.

Хирка взглянула на металлический ларец, что держала в руках. Его поверхность покрылась инеем, который цветами распускался вокруг её пальцев. Она засунула шкатулку под мышку и натянула рукава свитера на ладони.

Где я?

Она поборолала головокружение и выпрямилась. Никакой скалы у неё за спиной не оказалось, лишь один из камней круга, через который только что прошла. Его размер сыграл злую шутку с путешественницей. Глыбы возвышались над ней и тянулись к... потолку?

Хирка заслонила глаза от света и, прищурившись, взглянула на проломленный свод. Острые осколки уходили вверх к облакам. Она находилась в зале. Или на руинах того, что когда-то было залом. Помещения большего размера она никогда не видела. Проникший внутрь лёд свисал с арочных перекрытий на нескольких этажах. Через большие проломы в стенах дул ветер. Хирка стояла по колено в снегу одновременно на улице и в помещении.

Она заметила какое-то движение. В её сторону бежал мужчина. Его сапоги скрипели, продавливая смёрзшиеся сугробы. Кто-то звал его, перекрикивая гул сквозняка:

– Кесколайль!

Мужчина мчался вперёд, не оборачиваясь. Он становился всё ближе. Вскоре стали видны дикие бельма. Трупорождённый. Хирка выпустила из рук ларец и схватилась за бедро, где должен был находиться нож, но не обнаружила его. Её охватил страх.

Сапог! Он в сапоге!

Она не успеет достать оружие. Едва подумав об этом, Хирка поняла, что незнакомец её даже не видит, его глаза были прикованы к какой-то точке между камнями у неё за спиной, куда он и направлялся.

Запела тетива лука. Путешественница открыла рот, чтобы предупредить бегущего, но опоздала. Стрела вонзилась ему в спину. Раненый застыл, ноги его подкосились, и он рухнул на колени прямо перед Хиркой. Она потянулась, чтобы помочь, но ноги прочно увязли в сугробе.

Незнакомец посмотрел на отчаянно старающуюся выбраться из снежного плена девушку завораживающими белыми глазами. Из них исчезла вся дикость. Казалось, он понял, что наступает смерть, очень удивился, поднял руку и коснулся острыми когтями каплевидной отметины на лбу. Губы растянулись в улыбке и обнажили клыки. А потом он повалился вперёд и остался лежать лицом в снегу. Из спины торчала чёрная стрела. Короткое и крепкое древко пробило одежду и вошло в тело. Странно, что настолько маленький предмет способен завалить такого зверя.

Смерть. В мире, которого она никогда раньше не видела. В мире, которого, вполне возможно, не видел ни один имлинг и ни один человек. И первое, чему она становится свидетелем, – это смерть. Что этот слепой натворил?

А я? Не сделала ли я что-нибудь не так?

Может, она тоже является мишенью? Хирка выбралась из снега и огляделась. Камни выглядели мёртвыми. Разворачиваться и идти через них назад было слишком поздно.

В её сторону шагали четверо. Трое остановились на приличном расстоянии, последний же двигался прямо к ней. Женщина. Это она кричала?

Незнакомка шла твёрдо и уверенно, как будто знала, что никто никогда не осмелился бы прикоснуться к ней. За её плечами развевался такой невесомый плащ, что, казалось, надет для красоты, а не для тепла. Талия была перехвачена кожаными ремнями, голенища сапог доходили до колен, а вот бёдра и руки остались обнажёнными.

Хирка вздрогнула и плотнее укуталась в свой плащ. А чего она ожидала? Что местные обитатели одеваются, как живущий среди людей Грааль? Или ходят голыми, как те слепые, которые таились в Имланде? Она не знала. Не знала, чего ожидала.

Путешественница подняла стоявший на снегу ларец.

Женщина остановилась, широко расставив ноги. Её губы были чёрными, как и волосы – копна длинных косичек, оттеняющих бледность лица.

Хирка инстинктивно отступила на шаг назад и посмотрела в глаза трупорождённой: молочно-белые бельма безо всяких вкраплений. Сложно что-нибудь прочитывать в подобном взгляде, как и у всех слепых, которых доводилось встречать.

Умпири. Это Умпири, и ты одна из них.

Женщина склонила голову набок и подалась к Хирке, как будто собралась вонзить зубы ей в шею, громко дыша носом, как будто обнюхивала её. Действие, типичное для животных. Девушка затаила дыхание, не решаясь пошевелиться, и взглянула на мертвеца на снегу. Похоже, опасность закончить свои дни таким же образом возросла. Могло показаться, что она оставалась в живых лишь из милости дикого зверя. В Наизэле тоже было много животного, но он вел себя совсем не так. Возможно, они с Граалем изменились под влиянием имлингов и людей.

Она друг! Грааль обещал, что я встречу с другом.

Женщина выпрямилась. Казалось, на её лице промелькнуло выражение боли. Но нет, такие эмоции слишком чужды подобному существу.

– Значит, это правда... – произнесла трупорождённая на ломаном имландском. Её фраза прозвучала не как вопрос.

Хирка вспомнила, что слепые могут чутать своих, и предположила, что женщина имеет в виду её происхождение, но ничего не ответила. Ощущение того, что она здесь является нежеланным гостем, было слишком явным.

– Я Скерри из дома Модрасме.

– Меня зовут Хирка, – отозвалась девушка.

– Это твоё имя? Так ты представляешься? – Недовольство новой знакомой трудно было не заметить.

Рыжеволосая полукровка молча кивнула.

– Уже нет. Теперь ты Хирка, дочь Грааля, сына Рауна из дома Модрасме. И тебе многому предстоит научиться. – Скерри указала на ларец: – А это?...

Хирка снова кивнула и наконец заметила намёк на улыбку на лице Скерри. Накрашенные чёрным губы дрогнули. Сердце Наизэля в ларце. Значит, вот что нужно, чтобы порадовать её? Эта мысль заставила девушку содрогнуться.

Скерри взглянула на трёх спутников.

– Кесколайль!

Несколько мгновений назад Хирка уже слышала это слово и узнала его. Один из стоявших в стороне людей приблизился, вероятно, откликаясь на своё имя. Значит, это он стрелял. Почему?

Кесколайль оказался крупным мужчиной. На нём было значительно больше одежды, чем на Скерри: чёрная кожаная куртка, наброшенная на плечи лохматая овечья шкура. В руках он держал лук. Волосы выглядели серыми, как сталь, хотя на вид ему нельзя было дать больше сорока лет. Вот только... перед ней Умпири. Насколько Хирка знала, возраст стрелка мог равняться и тысяче.

На его лбу имелась такая же отметина, как у убитого. Серая капля. Однако вскоре стало ясно, что это не рисунок. Узор был вдавленным и походил на матовый драгоценный камень. Мужчина сел на корточки и вытащил стрелу из спины трупа. Раздался треск. С острия на снег закапала кровь. Хирка смотрела на незнакомца, но тот не обращал на неё никакого внимания и не удостоил взглядом ни её, ни Скерри.

Вытерев наконечник стрелы горстью снега, мужчина засунул её в колчан на поясе. Потом схватил мертвеца за шею и поволок за собой к дыре в стене.

Хирке никак не удавалось избавиться от чувства беспомощности. Во что она оказалась втянута? Она посмотрела на лицо Скерри с бледной, как небо, кожей, на фоне которой чёрные детали казались резкими и угрожающими. Волосы. Губы. Кожа. Новая знакомая вся была чёрно-белой, без полутонов. Хирка никогда раньше не видела трупорождённых женщин, и та выглядела самой пугающей из всех встреченных слепых. Оставалось лишь цепляться за веру в то, что дочь-полукровка нужна Граалю и он не отправил бы её на верную смерть.

– Он не за тобой охотился, – сказала Скерри, всматриваясь в жуткий след, оставленный телом убитого.

– А за чем тогда?

– За Поток, – ответила она так, будто ответ был очевидным. Потом резко повернулась, хлестнув по спине чёрными косичками с бусинами на концах, и направилась к двум ожидавшим её спутникам.

Хирка оглянулась, но Имланда больше не было. Она заметила только тёмную пещеру под Маннфаллой, из потолка которой торчали камни. И Дамайанти. Беспощадная танцовщица отправила её напрямик сюда ещё до того, как путешественница успела бросить хотя бы один взгляд на поверхность земли. Она не увидела города. Не сходила к Линдри. Она должна была сдерживать обещание, и теперь её дом находится здесь.

Но где – здесь?

Хирка пошла за Скерри не потому, что ей этого хотелось, а потому, что чувствовала: так будет правильно.

– Где мы?

– Это Нифель, разрушенный город. Не следует здесь оставаться.

Хирка подавила желание спросить, что именно стало причиной его уничтожения.

– А... мир? Как вы его называете?

– Дрейсиль. Первая страна.

– А... – Путешественница между мирами поудобнее пристроила мешок на спине. Снег летел в зал и собирался в сугробы. В дальнем конце помещения стены рассыпались. Обрушенные колонны торчали, как костяшки пальцев. Двое мужчин ждали Скерри. Та сделала жест рукой, и все вышли наружу до того, как Хирка успела поздороваться. Единственное, что она успела заметить, – один из Умпири оказался так же легко одет, как и Скерри. Погода была ему безразлична.

– Куда мы идём?

– В Гиннунгад, – ответила провожатая, не оборачиваясь.

– Это далеко? – Хирка почувствовала, что холод пробирает её до костей, и огляделась в надежде увидеть лошадей и повозку, но вокруг не было ничего, кроме снега. – Разве у вас нет ездовых животных?

– Для чего?

Хирка вновь чуть не застряла в снегу.

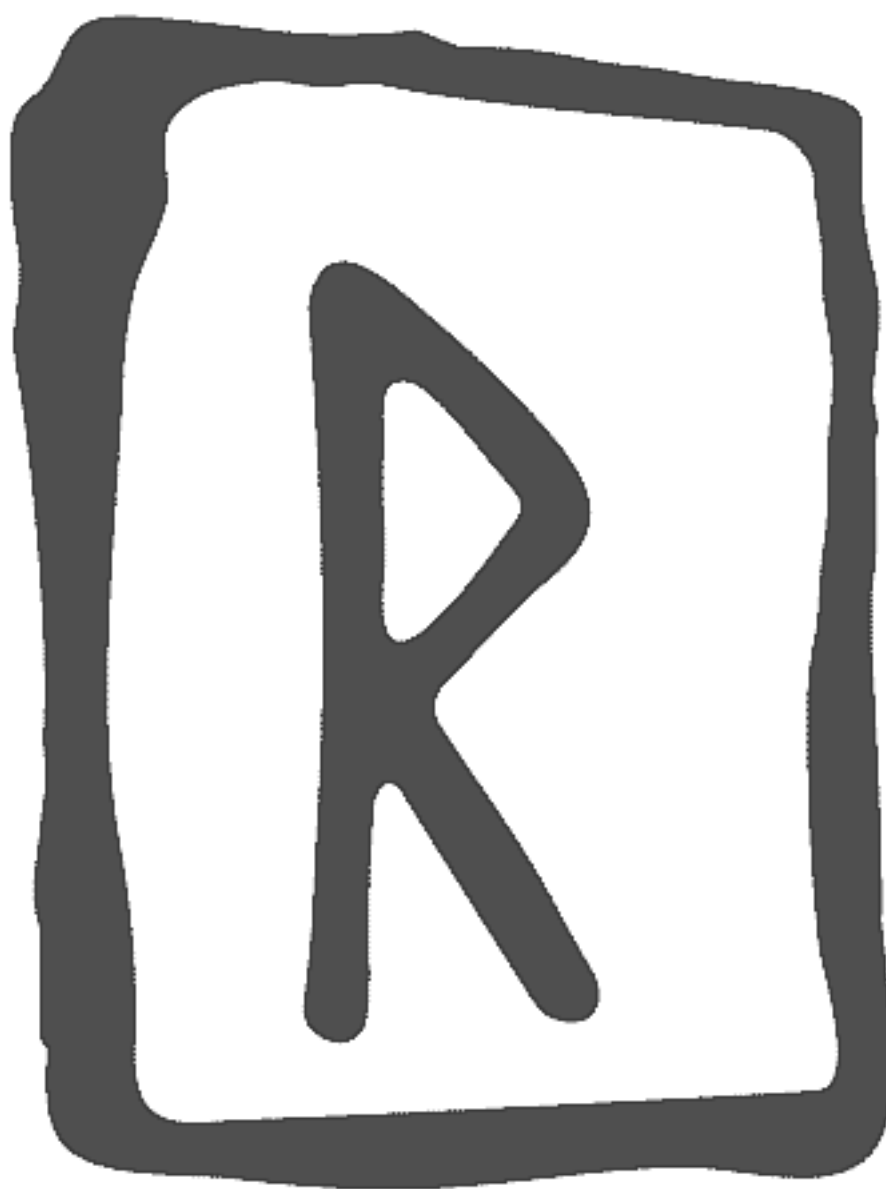
– Для того, чтобы передвигаться верхом или в экипаже. – Может, дело в языке? Скерри не слишком уверенно и, казалось, как-то неохотно изъяснялась по-имландски. Но та остановилась, повернулась к спутнице и обнажила клыки.

– А что, похоже, меня надо возить?

Хирка помотала головой.

– Я хотела сказать...

– Четыре дня. Гиннунгад в четырёх днях пути. – Скерри оглядела замёрзшую девушку с ног до головы. Даже в слепых глазах можно было различить разочарование. – Ну, или, скажем, в шести днях, – язвительно поправилась она и зашагала вперёд.

Место, где царит свобода

Ример вскарабкался по крыше на конёк, остановился и прислушался. Вдоль берегов реки потрескивал лёд. Из какого-то окна через пару домов выплеснули воду из ведра. Подождал ещё немного. Нужно было соблюдать осторожность. Из-за визита бывшего ворононосца жизнь Линдри могла оказаться под угрозой.

Чайный дом обладал атмосферой места, где царит свобода. Безопасного приюта на нейтральной территории. Двери заведения всегда оставались открытыми, а Римеру больше некуда было идти. Если он отправится куда-то ещё, по Маннфалле сразу поползут слухи, а этого не должно произойти до тех пор, пока он не придумает план дальнейших действий.

Поднялся ветер. Продрогший юноша сжал кулаки и попытался вернуть к жизни замёрзшие пальцы. Он всего сутки пробыл на этом морозе, а поддерживать в себе тепло уже не получается даже с помощью Потока.

Ример ухватился за край ската, перевалился через него и спрыгнул на землю. Площадка позади чайного дома выступала прямо в реку, как пристань. У стены здания стояли кресло-качалка и замёрзший фонарь. Выющиеся лозы взобрались вверх по балкам и уснули на зиму.

Бывшему Колкагге казалось, что он различает, как через узкие щели между наличниками пробивается свет. Непрошенный гость постучал. Долгое время внутри царила тишина, а потом дверь открылась. Из проёма на него уставился прищуренный глаз.

– Это я, – прошептал Ример.

Линдри вздрогнул, как будто обжёгся. Деревянная створка с протяжным скрипом распахнулась. Хозяин дома уронил свечу, которую держал в руках. Она покатилась по земле и потухла. Юноша остановил её ногой. Торговец чаем закашлялся, сделал знак Всевидящего и попятился.

Ример схватил старика за руку.

– Нет! Нет, я не умер! Слышишь? Я жив.

Ужас во взгляде Линдри угас. Он впустил гостя, высунул голову наружу, огляделся по сторонам и только потом закрыл дверь. Казалось, он то ли ожидал, что с Римером придёт кто-нибудь ещё, то ли никак не мог взять в толк, как тот сюда добрался.

Узкая задняя комната была заставлена ящиками и холщовыми мешками. В воздухе висела пыль от сухого сена. В голове у Римера внезапно всплыло воспоминание, как они стояли здесь со Свартэльдом в ту ночь, когда Колкагги отплыли в Рейкавик, и спорили о вещах, которые сейчас казались совершенно обыденными. Что мастер тогда сказал?

Ты не сможешь править миром из Шлокны, мальчик.

Линдри подталкивал гостя вперёд, в помещение чайного дома. Во мраке серели столы и скамьи. Ночь украла блеск у деревянных поверхностей.

– Садись, садись, – пробормотал старик, ласково, но твёрдо подталкивая юношу к скамейке у очага. Огонь уже потух, но тепло ещё не выветрилось. Этого Римеру хватило, чтобы понять, как он замёрз.

Линдри поворошил обгоревшие угли кочергой.

– Оставь их. Не надо огня. Никто не должен знать, что я здесь.

Хозяин дома принялся возиться у поленницы, вытаскивая из неё дрова, а потом начал раздувать пламя, пропустив слова Римера мимо ушей. Тот хотел объяснить, хотел предупредить, что скрывать его опасно, но отлично понимал, что Линдри не пожелает его слушать. Морщинистый торговец чаем принимал у себя Хирку, совершенно не заботясь об угрозе собственной жизни. Даже после того, как узнал, что она человек. Пустые столы – вот цена, которую ему пришлось заплатить.

Он привечал Римера, когда тот ещё был ворононосцем. Когда Дамайянти дала ему клюв. И сейчас, когда он превратился в покрытого бесчестьем сына Совета. Предположительно мёртвого.

Огонь разгорелся и начал потрескивать, отбрасывая тёплый свет на Линдри, который на корточках сидел у очага. Теперь Ример увидел, что на старике надета ночная пижама и вязаная кофта с распутившимися рукавами.

Он с кряхтением поднялся и сел напротив гостя. Положил огрубевшую руку на его ладонь. Через слой одиночества Римера обожгло теплом, и он встретился взглядом с маленькими и круглыми от возраста глазами.

Юноша сглотнул.

– Значит, ты им не веришь? Не веришь тому, что говорят обо мне?

– Расскажи мне, что случилось, и я отвечу, во что я верю, – заволакивающе спокойно отозвался Линдри.

Ример тихо рассмеялся. А затем излил на терпеливого слушателя водопад слов, хотя и понимал, что всё сказанное покажется тому бессмыслицей. Но не мог остановиться. Бывшему Колкаге казалось, что он впервые за всю жизнь делится с кем-то сокровенным. И поведал Линдри обо всём. О путешествии в мир людей. О братьях Граале и Наизэле. О тысячелетней вражде. О том, что один из слепых находится в изгнании, а второй был самым Всевидящим. Всевидящим, которого он убил.

Лжи, в которой Ример вырос, больше не существовало. Вместо этого он узнал историю о слепом, предавшем свой народ и завоевавшем Имланд.

Он рассказал о Хирке и её крови, о том, что она – одна из них. Из тех, кто хочет ворваться через врата в их мир, чтобы вернуть себе однажды утраченное. И он ничего не может сделать для того, чтобы остановить их. Больше не может. Потому что понапрасну растратил ту небольшую власть, которой был наделён.

Слова и силы иссякли одновременно. Ример сжал кулаки и опустил на них подбородок. Затем посмотрел на Линдри в ожидании реакции на свои признания, но её не последовало. Старик сидел и кивал даже после того, как наступила тишина, а веки казались такими тяжёлыми, что делали его похожим на спящего. Но вот торговец выпрямился и хлопнул руками по столу.

– Значит, этому миру придёт конец? Ты это хочешь сказать?

– Это правильный вывод, – ответил Ример.

– Да, тогда остаётся только одно, – Линдри медленно поднялся. Морщины на его лице стали глубже от боли, пронзившей суставы.

– Что же?

– Заварить чай.

Он подошёл к стойке и разжёг огонь под одним из чёрных чугунных чайников, которые стояли ровным рядом, с повернутыми в одну сторону носиками.

– Заварить чай? Это твой выход по случаю конца света?

– У тебя есть предложение получше?

Ример уставился на столешницу. Поверхность выглядела грубой, словно её вытесали из выброшенной на берег древесины, с зазубринами и царапинами.

Нет, предложения получше у него не было. Что бы он ни делал, буря всё равно разразится.

Линдри поставил чайник на стол перед гостем. От горячего чугунного сосуда исходил насыщенный аромат гораздо сильнее запаха чая. Торговец снова сел и подвинул Римеру наполненную до краёв чашку.

– Значит, ты убил Всевидящего? Брата её отца?

– Он убил бы её, если бы ему выпал шанс.

Ример приложил руку к карману и нащупал в нём ракушку, украшение, которое он подарил Хирке перед тем, как она покинула Имланд. Теперь оно вернулось обратно к хозяину. Подвеску передал Грааль. Без объяснений. Возможно, таким образом он хотел сказать, что Ример должен забыть наполовину слепую рыжую девушку, что теперь её ждёт иная судьба.

Он надеялся на это, потому что альтернатива выглядела хуже: Хирка сама попросила Грааля передать украшение. Таково было её желание.

В груди у Римера всё сжалось. Он схватил чашку и одним глотком проглотил содержимое. Как хорошо, что напиток оказался настолько крепким. От горла до желудка разлился жар.

Ример даже не догадывался, насколько сильно его тянет к Хирке, пока не встретился с нею в пульсирующем от музыки помещении. Там было очень оживлённо. Много людей. Все потомки Одина, насколько он понял. Но Ример в то же время остался наедине с рыжей девушкой, потому что позабыл обо всём и обо всех.

Он взял бы её прямо там и тогда, если бы ему представилась возможность. Страсть оказалась такой сильной, такой всепоглощающей.

Такой разрушительной.

Из-за неё он совершал дурацкие поступки. Поступки, которые не только сокрушили его самого, но теперь грозили уничтожить и Совет. И Равнхов. И Имланд.

Ример принял клюв и сам превратил себя в раба. Этого не следовало рассказывать ни Ярладину, ни Линдри. Никто не должен узнать, что бывший ворононосец бессилен и отдан на волю Грааля.

Который был опаснее, чем думала Хирка. Он натравит их друг на друга, если придётся. Оставалось надеяться только на то, что набирн любит дочь. В его взгляде Ример заметил отцовскую гордость, а ещё твёрдое намерение идти по трупам.

Она считает меня таким же.

– Я знаю, кто ты есть и кем ты не являешься, ворононосец. – Линдри вновь наполнил чашки. Он говорил так, будто читал мысли юноши.

– Я больше не ворононосец. Я умер, это всем известно.

– Если позволишь, Ример Ан-Эльдерин... Ты рассказал мне, что произошло, а теперь я поведаю тебе о том, что думаю. Я вырос в этом городе и помню день, когда ты появился на свет. Это случилось не так уж давно.

– Уже почти двадцать лет назад, Линдри.

Старик улыбнулся. Морщинки протянулись от уголков глаз до самых висков.

– Дитя, которого все ждали. Всевидящий рассудил, что это дитя будет жить, а вот я посчитал, что мальчика ждёт непростая судьба. Только подумай, расти с таким грузом на плечах. В тот же день начали продавать амулеты с твоим изображением, ты знал?

Ример знал это слишком хорошо. Он ковырял ногтем зазубрину на чайной чашке. Было в ней что-то знакомое. Казалось, он и раньше пил из этой самой чашки. Он сделал ещё один глоток. В нос ударил резкий запах. Линдри же продолжал:

– Насколько я могу судить, ты вырос в клетке. В клетке, из-за которой весь остальной мир тебе завидовал, но клетка – она и есть клетка. Они сделали всё, чтобы ты стал таким, как они. Но вышло по-иному. У тебя хватило сил избрать собственный путь. Я поддерживаю далеко не все совершенные тобой поступки, но силы воли тебе не занимать, это точно.

Ветер выл за стенами дома. Линдри начал растирать ладони, как будто стоны сквозняка напомнили ему, как сейчас холодно. Затем возобновил рассуждения:

– О тебе много всякого говорят. Я и сам думал, что ты для нас потерян. Особенно после того, как явился сюда с той размалёванной дамочкой. С танцовщицей. Но в том случае тобой двигало не только желание молодого мужчины, так ведь? Я прожил три четверти века, Ример. Думаешь, я никогда не слышал о слеповстве? Я знаю, она что-то сделала с тобой. Можешь не рассказывать, что именно, но предполагаю, это было необходимо, чтобы последовать за

Хиркой. И да, ты убил Свартэльда. Своего учителя. Но это было его выбором, не твоим. Тебя обманули. Кто бы поступил иначе на твоём месте?

Ример отвёл глаза. Лучше бы Линдри осудил его, а не проявил понимание.

– Ты молод. Хотел бы я сказать, что различить верное и неверное с годами становится легче, но это не так. Всё наоборот. Чем старше становишься, тем больше узнаёшь. А я видел столько ошибок и несовершенств, что понимаю, насколько непросто сделать правильный выбор.

Ример усмехнулся.

– Она говорит не так.

– Хирка выросла не в Эйсвальдре, в отличие от тебя. Ты сын Совета. Тебя никогда не учили поступать по совести. Ты вырос с убеждением, что что бы *ты* ни сделал, это будет правильно. Семьи – это закон, а закон – это семьи. И всё же ты ведёшь борьбу против самого себя и поэтому становишься хорошим мужчиной. Сильным мужчиной. Только такому под силу справиться, даже потеряв всё.

– И сильной женщине, – ответил Ример, почувствовав, как опустились его плечи. Он чокнулся чаем со стариком. Капля напитка упала на стол и скрылась в трещине на дереве ещё до того, как он успел её вытереть.

– Знаешь, почему она это делает, Линдри? Потому что считает, что остановит войну. Думает, что убедит слепых перестать жаждать Потока. Вот что пытается совершить Хирка. Она уверена, что своей трескотнёй превратит трупорождённых в миролюбивых овечек. Глупая девчонка... Она способна камень вывести из себя, и из-за неё набирны совсем лишатся разума.

Линдри попытался скрыть улыбку.

Ример допил остаток чая.

– Что?

– Благодаря ей в тебе проявляются лучшие и худшие качества.

Так и есть, но это больше не имеет значения. Хирка не принадлежит ему и никогда не будет принадлежать. Она выбрала другой мир, другую жизнь. Если они когда-нибудь встретятся вновь, это произойдёт на поле битвы. Но Ример не может сидеть сложа руки и ждать подобного исхода. Он должен действовать.

Только сперва нужно немного отдохнуть. Здесь. У стола.

– Даркдаггар контролирует Совет, Линдри. И армию.

– Да, я слышал, ты говорил.

– Но не Колкагг, а они – гораздо более опасное войско по сравнению с тем, которым располагает Маннфалла. Только они могут противостоять слепым. Даркдаггар не должен получить власть над ними, Линдри.

Ример попытался выразить свои мысли словами, но те ускользали от него, делались неуловимыми, как Колкагги. Чёрные тени вне пределов досягаемости Даркдаггара. Но насколько они сейчас преданы Совету? Кто занял место Свартэльда? И как они примут Римера? Мужчину, который убил собственного наставника? Их наставника.

– А я по-прежнему Колкагга? Что они думают обо мне?

– Не знаю.

– Я должен это выяснить. У меня нет выбора.

– Ты сможешь выяснить это завтра.

Ример почувствовал, как на спину ему легло покрывало, и понял, что засыпает.

Проблема

Густой снег мешал разглядеть, куда ставить ноги. Ветер усилился и пробирал до костей. Хирка натянула всю свою одежду: подаренное Стефаном платье, запасной свитер, плащ от Ярладина и дождевик от отца Броуди сверху. Подарки тех, кого она, скорее всего, больше никогда не встретит. А увидит ли она вообще кого-нибудь?

Пока всё говорило о том, что её погребёт под снегом в этой замёрзшей пустыне. Слепым надоест постоянно ждать отстающую девушку, и они бросят её. Через сто лет трупорождённые откопают скелет существа, похожего на родственника мёртвого ворона Грааля. Косточки и куски кожи в одежде с надписью на английском языке, которую никто не поймёт.

Хирка заставила себя улыбнуться. Её окружают трупорождённые, холод грозит прикончить её, и она понятия не имеет, куда идёт. Настроение – важнейший инструмент для выживания в такой ситуации.

Их группа с трудом карабкалась по крутому склону, который сливался с небом. Синеватая вечность слепила Хирку, а навстречу до сих пор не попало ни одного дерева и не было видно никаких признаков живых существ. Только лёд и снег.

Выбившаяся из сил путешественница сжала челюсти, чтобы зубы не стучали. Щёки так замёрзли, что, казалось, скоро лопнут. Пот превратился в холодные жемчужины в волосах. Для каждого шага ей приходилось вытаскивать ноги из сугробов. Помогал шест. Полый шест, который мало весил, но много выдерживал. У каждого из них имелся такой. Ей сказали, что посох предназначен для дыхания на случай, если накроет лавина, к тому же по нему легче отыскать заваленного под снегом. Судя по всему, её спутники не шутили.

Хирка понимала, что скоро ей придётся остановиться. От ходьбы во рту уже появился привкус крови.

Девушка сощурилась и посмотрела на Скерри, которая неумоимо и ритмично шагала впереди, оставляя следы, чтобы облегчить путь всем идущим сзади. Хирка ни разу не заметила, чтобы женщина плотнее укуталась в плащ. Было совершенно непонятно, как она до сих пор не замёрзла до смерти.

На спине Скерри несла кожаный футляр в форме тубуса, похожий на колчан, но слишком большой для хранения стрел. Что-то подсказывало: не стоит даже надеяться на то, что в нём находится одеяло.

Всякий раз, когда лидер группы оборачивалась, чтобы посмотреть, куда подевалась отставшая девушка, бусины на чёрных косах бились о колчан. Звук казался похожим на град, и в глазах Хирки он приобрёл определённое значение. Это был укор, который гнал её дальше.

– Так кто это, Модрасме? – прокричала она в надежде, что для поддержания разговора Скерри придётся притормозить.

– Старейшина нашего дома, – ответила та и взглянула на рыжую полукровку. – Твоего дома, – добавила собеседница. Это прозвучало скорее как угроза, а не как утешение.

– Значит, дома получают название по имени ста...

– Поговорим, когда доберёмся.

Хирка прикусила губу. Может быть, кто-нибудь другой окажется более словоохотливым? Она оглянулась. Трое мужчин за её спиной шагали друг за другом. Того, кто шёл последним, звали Хунгль. Он был похож на стража с тёмными волосами и маленькой козлиной бородкой. Перед ним по снегу пробирался Грид, одетый так же легко, как и Скерри, которая переговаривалась только с ним. Казалось, они хорошо знают друг друга. Если бы его волосы не были настолько же светлыми, насколько волосы предводительницы группы – тёмными, они вполне сошли бы за брата и сестру. Хотя у Умпири редко рождается больше одного ребёнка. Навер-

няка именно этот факт позволил Граалю и Наизлю занять то положение, которое они имели перед войной.

Ближе всех к рыжей путешественнице шагал мужчина с волосами стального цвета и овечьей шкурой на плечах. Кесколайль. Стрелок. Хирка немного помедлила, но остановилась: усталость взяла верх над испугом. Скерри тут же схватила её за руку и потащила вперёд.

– Не разговаривай с падшими, – сказала женщина.

– А кто...

– Мы обсудим его наказание, когда доберёмся до лагеря.

Лагерь...

От этого слова повеяло теплом костра. К Хирке вернулись силы, она пригнулась и зашагала дальше.

Но за что его наказали? Она украдкой взглянула на идущего следом за ней убийцу. На каплю у него на лбу. Больше ни у кого такой не было. Стрелок до сих пор ни разу не взглянул на девушку. Казалось, её для него не существует. Значит, его для неё тоже не должно существовать.

Склон стал настолько крутым, что для продвижения вперёд Хирке приходилось помогать себе руками. Она решила не смотреть на пальцы, которые наверняка посинели от холода. Но, по крайней мере, здесь, наверху, метель стихла.

– У вас что, дорог нет? – спросила обессиленная путница.

Скерри бросила на неё взгляд через плечо.

– Дорог? Хочешь сказать, ты готова к тому, что тебя заметят?

Хирке показалось, что Скерри не ждёт ответа, поэтому промолчала.

Местность стала более пологой: группа выбралась на занесённую снегом равнину. Скрученные от ветра берёзы гнулись к земле. Первые деревья, которые девушка увидела в этом мире. Где-то крикнул ворон. Саму птицу не было заметно, но от облегчения в горле встал ком. Здесь есть жизнь. Не только слепые.

На другом конце равнины находилось скопление остроконечных палаток. С подветренной стороны они были замечены снегом, но ткань выдерживала. Хирка огляделась и рассмотрела по крайней мере три места, где можно было укрыться лучше, но, судя по всему, никто и не думал о таких вещах.

Замёрзшая путешественница мечтала о повозке и тёплой еде. Вряд ли она получит их здесь. Она заметила, что снова отстала, и поспешила догнать Скерри.

– Это и есть лагерь? – спросила она у предводительницы. – Вы здесь спите? На равнине?

– Да.

– Но... Вдруг придут дикие звери?

Собеседница нахмурилась. Её лоб прорезала вертикальная морщина.

– Что ты такое говоришь?

– Возможно, нам следовало бы... Что, если на нас нападут?

Скерри оскалила зубы. Хирка отступила на шаг и чуть не упала. Умпири не нужно бояться диких зверей. *Они сами* дикие звери.

– Ты хочешь сказать, что мы не пережили бы нападения?

Девушка помотала головой.

– Нет. Нет, совсем нет. Я больше думала... о себе. В общем-то... – к концу фразы у неё закончились слова. Она съёжилась под взглядом Скерри и ощутила себя волосинкой в супе.

Горячий суп...

Женщина зашагала вперёд. Хирка пошла за ней. В уме она уже составила список вещей, о которых, судя по всему, спрашивать не следует. Например, о лошадях. Вероятно, о повозках тоже. Ни о чём, что указывает на неспособность Умпири передвигаться самостоятельно или на

возможность испытывать усталость. И ни при каких обстоятельствах не стоит интересоваться, испытывают ли слепые страх.

Им навстречу шли две трупорождённые. Женщины, совсем не похожие друг на друга. Брюнетка была одета в длинную мантию, как авгур или учёный. Облечение блондинки сшили из кожи и меха, как охотничье. Или как воинское, если судить по свирепому выражению её лица. Они принялись переговариваться со Скерри на языке, которого Хирка не понимала. На наречии слепых.

Наречии Умпири.

Оно было чужим и всё же казалось знакомым. Слова вызывали в рыжей полукровке какой-то отклик. Как будто она учуяла запах, который в последний раз вдыхала в глубоком детстве. Новый язык, и в то же время он – её часть.

Обе женщины посмотрели на Хирку и слегка согнули одно колено в подобии приветствия. У девушки возникло ощущение, что ей следует сделать то же самое. Она начала преклонять колено и вдруг почувствовала, как кто-то схватил её за шею. Скерри толкала её впереди себя к одной из палаток, а затем втокнула внутрь. Хирка думала, что провожатая войдёт следом, но та осталась на улице раздавать команды лающим голосом.

Гостя этого мира была только рада остаться в одиночестве. Она огляделась. В палатке едва ли хватило бы места двоим. Навес поддерживал установленный посередине шест. Пол оказался неровным, но сухим, хотя и тряпичным. Наверное, двухслойный. Или промазан снизу жиром. На звериной шкуре лежали два скрученных шерстяных одеяла. Больше ничего. Ни масляной лампы, ни чашки для питья.

Хирка отложила свой посох и опустилась на колени. Она устала, хотела есть и пить, но не могла понять, что важнее утолить.

Жажда.

Она стянула со спины мешок и сняла закреплённый на нём мех с водой, которую пыталась пить по дороге, но они останавливались слишком редко, а жидкость была слишком холодной. Хирка повозилась с пробкой, которая напрочь примёрзла к бурдюку. Сил открыть её не осталось, к тому же пальцы потеряли чувствительность.

В глазах защипало. Слезы подобрались угрожающе близко. Что с ней такое? Неужели она расплатится в первый же день пребывания в месте, куда сама решила отправиться? Ради сохранения мира. Ради того, чтобы трупорождённые не разорили Имланд. Вот что нужно помнить. Вот за что следует уцепиться. Мир. И ещё необходимо выяснить, как избавить Римера от клюва.

У него в горле клюв. Клюв ворона. Грааль имеет над парнем такую же власть, какую имел над Урдом. А Урд сгнил...

Хирка отбросила мех с водой, ощутив, что под полом палатки лежит крайне раздражающий ком снега, и принялась отчаянно колотить его обеими руками.

А чего она, собственно, ожидала? Кого она думала здесь встретить? Семью? Неужели она настолько наивна? Неужели она так и осталась маленькой девочкой, которой очень хочется хоть где-то почувствовать себя дома?

Звериную шкуру отбросили в сторону, и в палатку вошла Скерри. Хирка вскочила на ноги. Она вздрагивала каждый раз, когда видела лицо провожатой: чёрные волосы, чёрные губы и бледную кожу. Женщине можно было бы дать зим двадцать пять, если бы та не являлась Умпири. Молодая, похожая на девчонку. Прекрасная и опасная – жуткое сочетание.

– Сядь, – гаркнула вошедшая. Хирка послушалась.

Скерри устроилась напротив. Кожанный корсет скрипнул и принял форму её сильного тела.

– Куро, – сказала она и кивнула на ларец, привязанный к мешку девушки.

– Куро? – она никак не ожидала услышать здесь это имя. Оно принадлежало ей. Она сама его выдумала, когда Наизель ещё был вороном.

– Сердце, – нетерпеливо ответила Скерри. – Это значит сердце. Дай мне посмотреть на него.

Хирка улыбнулась бы, узнав, как переводится это слово, если бы оставались силы. Она отвязала ларец и взяла его в руки. Очень скромный, если учесть, что находилось внутри. Скудная металлическая коробка, матовая, как истёртое лезвие ножа. Холодная на ощупь. Перед тем как пройти через врата, путешественница между мирами беспокоилась, что лёд внутри шкатулки растает. Какая ирония...

Хирка открыла боковые замки и подняла крышку. Сердце Наизеля лежало в колотом льду. Бледное, как сжатый кулак. Казалось, до сих пор можно было почуять его запах. Брат Грааля. Брат отца. В Имланде он являлся Всевидящим, а здесь, в Дрейсиле – кем-то совершенно другим. Преступником. Врагом народа.

Скерри дёрнула ларец к себе, закрыла глаза и сделала глубокий вдох, как будто запах служил ей пищей. Чёрные губы растянулись в насмешливой улыбке.

– Наизель...

Её шёпот стал хриплым от ненависти, и Хирка внезапно поняла, насколько эта женщина была близка с покойным дядей. Наверняка они знали друг друга. Девушка уставилась на неё.

– Ты была там...

Скерри открыла глаза. Молочно-белые. Далёкие от действительности. Устремлённые в точку далеко за пределами палатки.

– Я принесла клятву после окончания войны. Когда поняла, что он нас предал. Когда увидела, как он поймал и мучил своего брата. Я поклялась, что вырву это сердце своими собственными когтями. Я тысячу лет ждала того дня, когда снова почую его запах. Тысячу лет. И вот он здесь. Что ещё остаётся, кроме как вернуть то, что принадлежит нам?

Хирка не ответила, опасаясь, что если неправильно подберёт слова, Скерри может впитаться ей в горло. Чёрные губы подрагивали. Трупорождённая женщина боролась с историей, частью которой являлась рыжая полукровка. Принесённое ей сердце так разозлило слепую? Неужели Ример сделал то, что мечтала собственноручно совершить она?

В воздухе повисла неприязнь. Хирка толкнула пальцем крышку ларца, и та закрылась. Скерри очнулась от транса и провела языком по губам. Чёрный цвет на них не поблек. Это что, татуировка? Она сделала их чёрными навсегда?

Хирка отставила шкатулку в сторону.

– У нас есть проблема. – Собеседница помотала головой, и косички хлестнули её по спине. Как будто зверь отряхнулся от влаги.

– Что за проблема?

– Ты.

Хирке хотелось запротестовать, но она слишком нервничала. К тому же ей невольно стало интересно, в чём заключается упомянутая проблема.

Скерри склонила голову набок. Птичье движение напомнило о Наизеле и Граале. Хирка решила задать вопрос:

– Мы из одной семьи?

Трупорождённая заморгала, как будто её застали врасплох, но быстро взяла себя в руки.

– Мы связаны, но не по крови, лишь принадлежим к одному дому. Ты встретишься со своими кровными родственниками, когда мы доберёмся до Гиннунгада, в этом-то и заключается проблема. Мне необходимо немедленно отправить ворона. Я должна сообщить, что ты находишься здесь. Что ты прибыла. Но что мне сказать?

– Что ты имеешь в виду?

Скерри подняла подбородок и посмотрела на Хирку свысока, как будто та была идиоткой.

– Ты такая же, как наши враги! Посмотри на себя! У тебя глаза, как у них. Нет когтей. Нет клыков. Ты медленная. Слабая. Жалкая, как они. Ты больше человек, чем Умпири. И ты разговариваешь только на зверином языке.

Хирка почувствовала, как застыло её лицо. К сердцу подползал стыд, будто её отбросило назад во времени. Она снова очутилась в Эльверуа с отцом, который постоянно пытался спрятать её из-за происхождения. Илюме прогнала её, когда она спросила о Римере. Она была чудовищем. Бесхвостым потомком Одина. И здесь повторялось то же самое.

Хирка снова сделалась маленькой, и это раздражало. Она стиснула зубы.

– Приношу извинения, если не оправдала ваших ожиданий.

Скерри фыркнула.

– Извинения не помогут. Из тебя требуется сделать что-нибудь приличное, прежде чем показывать остальным, а это должно случиться скоро. Честно говоря, я поняла, что такая проблема возникнет, едва услышала о тебе. Грааль рассказывал немного... уклончиво.

– Значит, это ты с ним беседовала?

– Я. Больше никто.

В её голосе звучала гордость. Грааль имел кое-какой вес, и, возможно, только по этой причине Хирка сама до сих пор жива. Пусть так и будет. Она отказывалась страдать, выслушивая список своих недостатков. Она уже слышала это много раз.

– Просто скажи, что надо делать.

Скерри некоторое время внимательно рассматривала свалившуюся ей на голову полукровку, а потом резко встала.

– Я скажу, что ты явилась. И больше ничего. Посмотрим, что можно сделать. Самое важное – это язык. Ты не должна приволоочь их бормотание в наш дом. Уни будет наставлять тебя по дороге.

– Уни?

– Служанка, которая работает в нашем доме. Она грамотная и сможет научить тебя разговаривать нормально. А ещё расскажет, как следует себя вести. – Глаза Скерри скользили по телу девушки. – С одеждой разберёмся позже.

Язык, манеры, одежда... Всё это не слишком беспокоило Хирку. Если ей и нужен учитель, так тот, кто понимает Поток.

– А как же... – она чуть было не сказала «слеповство», но вовремя остановилась. – Что насчёт Потока? Мне надо поговорить с кем-нибудь, кто знает о клювах.

Хирка коснулась рукой горла, чтобы проиллюстрировать свой вопрос.

Скерри смотрела на собеседницу пустым взглядом.

Нужно найти другой подход. Такой, чтобы новая знакомая захотела помочь ей. Захотела ответить. Иными словами, надо давить на гордость.

– У вас что, действительно нет никого, кто понимает действие Потока?

Глаза Скерри сузились до белых полосок.

– Конечно, есть! Лучшие! У нас есть потокоплёты и всевидящие, но о них тебе беспокоиться не следует. Здесь и сейчас они для нас неважны.

Всевидящие? У слепых есть всевидящие?

Конечно. Откуда бы ещё он взял идею?

Хирка усмехнулась. Наизель покинул собственный мир, но захватил с собой то, что знал.

Скерри развернулась, чтобы уйти.

– Это твоя палатка, – сказала она на прощание. – Оставайся здесь. Уни придёт за тобой, когда я отправлю ворона. Потом ты встретишься с остальными.

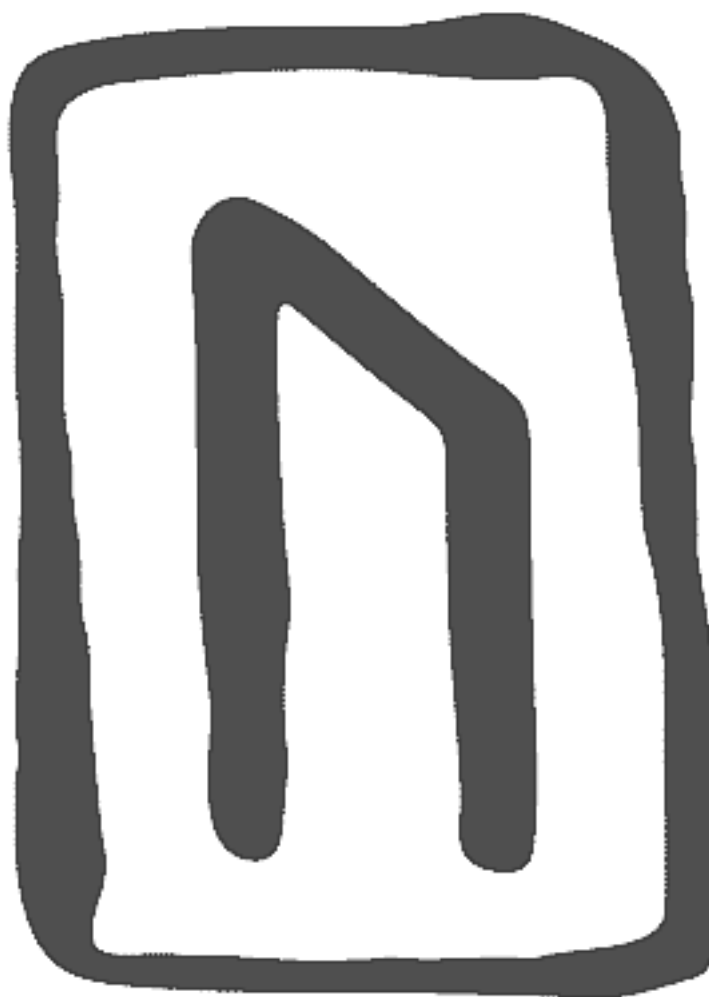
Женщина отодвинула в сторону шкуру, впуслав внутрь свет, и снова взглянула на Хирку.

– И ещё одно. Если ты ещё раз попытаешься поклониться перед вассалом дома, я сломаю тебе колени.

Скерри выскочила на улицу так, что только косички мелькнули.

Хирка закрыла глаза.

Не спрашивай о лошадях. Не критикуй местоположение лагеря. Не преклоняй колени.

Судья

Хирке не доставало понимания и знаний, но постепенно она начала понимать, что слишком много информации – хуже, чем никакой.

На умонийском имя Уни означало «язык во рту». Женщина, которая должна была стать учителем Хирки, носила такое прозвище, и та скоро сообразила почему. Служанка всё время говорила без умолку. В отличие от Скерри, она не испытывала никаких мук от того, что говорит по-имландски, так как была слишком молода и не принимала участия в войне, а потому проявляла неуёмное любопытство и, похоже, почти не имела предрассудков.

Уни начала изучать имландский два года назад, потому что так пожелала Скерри. «Пожелала» – так служанка и выразилась. Хирка подозревала, что более точно было бы «приказала». Только сейчас её учительница поняла, для чего это понадобилось. Тайну о том, что уже не все каменные ворота мертвы, тщательно оберегали.

Уни искренне интересовало всё, что Хирка решилась рассказать ей о жизни в других мирах, а потому постоянно отвлекалась от преподавания рыжей полукровке основ подобного поведения и, конечно, представления, какое место та занимает в иерархии. Казалось, последнее было важнее всего.

Из всех слепых, что встречались Хирке, Уни почти не пугала её. Может быть, из-за ямочек на щеках. Или из-за мыслей о тепле, которые навевали её русые волосы. Или из-за плаща, свободного и просторного и совершенно не предназначенного для выставления тела на всеобщее обозрение. И ещё, конечно, из-за того, что служанка всё время говорила. Это помогало, потому что с Хиркой больше никто не общался.

Она наверняка провела в палатке с Уни много часов, так как формально не была представлена никому другому. Скорее всего, так пожелала Скерри.

Наставница откинула шкуру и держала её, чтобы Хирка могла наблюдать за улицей во время их разговора. В пределах видимости собрались четверо спутников, не хватало только Скерри. Уни указала на Грида, который стоял чуть поодаль в узком жилете, отороченном мехом, и вытряхивал снег из полого шеста. Сильные жилистые руки были обнажены.

– Гриду ещё не исполнилось и трёх сотен лет, но он выиграл много... как это называется? Турниров. Он тренируется со Скерри, они дружат. Только они принадлежат к Дрейри. Это означает, что в них...

– Течёт кровь первых... – Хирка слишком хорошо это запомнила.

– Да, правильно. Дрейри происходят от старых кровных линий. Только у них есть имен-ные дома. Мы же, остальные – обычный народ. Умпири. Мы работаем на древние семьи. Хун-гль и Тила, что стоят вон там, служат дому Модрасме.

Хирка посмотрела на Хунгля с козлиной бородкой и светловолосую Тилу. Её не было у каменного круга, она дожидалась дочь Грааля в лагере вместе с Уни.

– Не очень-то они похожи на слуг, скорее на воинов, – сказала девушка.

Наставница прикрыла улыбку ладонью.

– Мы говорим «слуги». У домов нет воинов. Нет стражей. Они не стремятся произвести впечатление. Вместо этого у них есть слуги. Потому что...

– Потому что им не нужна помощь для защиты...

Уни закивала головой.

– Хунгль немного говорит по-имландски, но не слишком хорошо, а вот... – она посмотрела на Хирку и нервно прикусила губу, – тебе придётся хорошо освоить умонийский, прежде чем предстать в верховном доме.

Путешественница сделала вид, что не слышит. От мысли, что её будут кому-то показывать, её бросило в пот даже на морозе. Уже сейчас совершенно очевидно, что она не сможет оправдать ожиданий на свой счёт.

– Они там костёр разводят? – с надеждой спросила Хирка.

– Да, я знаю, что ты замерзаешь быстрее, чем мы. Самые выносливые – это Дрейри. Им тоже бывает холодно, но...

– Они очень стараются сделать вид, что это не так?

– Ты быстро учишься.

– Быстрее, чем он? – Хирка кивнула в сторону мужчины с каплей на лбу, волосами стального цвета и каменным выражением лица, который направлялся к костру с охапкой корявых веток.

– Он квессар. Один из падших. Их было двое, но второй, как я слышала, сегодня умер. Именно поэтому их всегда должно быть двое. Чтобы один мог убить другого, если потребуется. Но большее количество с собой брать нельзя.

Хирка следила за стрелком глазами. Он положил дрова в костёр.

– Почему нельзя?

– Как бы объяснить, – задумалась Уни. – Вот возьмешь с собой больше двух мужчин, которым нечего терять, и если что-нибудь пойдёт не так, благодарить придётся только себя, верно?

Вопросы жгли Хирке язык, но служанка не дала шанса задать их.

– Падшие не принадлежат ни к одному дому, и их можно опознать по капле или по имени. Вот этого звали Колайль, но после падения его окликают Кесколайль. Кес – это приставка, которая происходит от слова «квессар», которое означает...

Внезапно перед входом в палатку возникла Скерри.

– Ты зря тратишь время, Уни. Ты научила её правильно представляться? Или названиям верховных домов?

Молодая наставница поспешно вскочила на ноги. Предводительница отослала её и опустилась на корточки у палатки. Хирка заставила себя остаться сидеть на пороге, хотя ей очень хотелось заползти внутрь. Скерри пристально смотрела на неё.

– Хунгль и Кесколайль участвовали в войне. Это значит, что они раньше уже видели таких, как ты. И они знают ваши недостатки. Но мы не можем позволить себе ждать, пока поползут слухи о том, что ты слаба. Нам придётся немедленно показать, кто ты есть на самом деле. Сейчас мы этим займёмся. Я скоро задам тебе вопрос, на который ты должна ответить одним словом – «во2роны». С этим даже ты справишься. Ты понимаешь меня?

Хирка не понимала, но всё равно кивнула.

Скерри поднялась и жестом позвала подопечную за собой. Та выбралась на улицу и тут же подумала, не вернуться ли назад за плащом, но не решилась, проследовав в итоге за провожатой к костру. Хунгль и Тира соорудили себе скамейки из снега и сидели, глядя, как разгорается пламя. Уни подбежала к огню и тоже заняла место рядом. Грид, конечно, остался стоять. Наверняка сидеть – настоящее мучение для Дрейри.

Падший устроился поодаль и отламывал сосульки от овечьей шкуры.

Скерри указывала на тут же закоченевшую девушку, обращаясь к остальным на умонийском. Хирку подташнивало. Она не знала, что происходит, ей всего лишь предстояло исполнить роль. Знать бы ещё, что это за роль...

Трупорождённая закончила и повернулась к рыжей полукровке.

– Кесколайль выпустил стрелу в твою сторону. Каков будет твой суд, Хирка, дочь Грааля, сына Рауна из дома Модрасме?

Путешественница между мирами наморщила лоб. Суд? Её просят наказать падшего? Мужчину с каплей на лбу? Видимо, да. Но ведь не за то, что он убил другого по приказу

Скерри? Наверное, его обвиняют в том, что он стрелял в направлении Хирки. Как будто это могло представлять какую-нибудь опасность. Тот, кто может попасть в мишень с такого расстояния в подобную погоду... Он бы не промахнулся.

Так за что?

Скерри просила её ответить «во2роны». Какое отношение они имеют ко всему этому?

Мёртвых скармливают во2ронам.

Семьи Совета в Имланде позволяют воронам пожирать тела умерших. Неужели этот обычай Наиэль тоже принёс с собой с родины? Значит, сейчас её просят приговорить павшего к смерти. Сделать его кормом для птиц. За то, что он выполнил приказ?

Тишина вокруг костра наполнилась ожиданием. Языки огня вытягивались на ветру, как будто хотели добраться до Хирки.

Она промёрзла до костей. Ей сообщили, что сказать, но слово никак не желало появляться наружу. Дочь Грааля смотрела на мужчину, которого должна осудить, но он не встречался с ней глазами. Ни с ней, ни с кем другим. Он знал, что происходит, и тем не менее сидел и чистил шкуру, как будто ничто из этого его не касается. Волосы цвета стали. Твёрдо-серый взгляд. Неужели этот Кесколайль весь сделан из металла?

Хирка должна была что-нибудь сказать. Все смотрели на неё и ждали. Она не понимала почему, но Скерри желала услышать то слово, чтобы всё вышло так, как она задумала. Путешественница между мирами кашлянула.

– Мне говорили, что Умпири не убивают Умпири.

Хунгль собрался было отпить воды из меха, но почти всё пролил. Тила пристально посмотрела на соседа, и он взял себя в руки. Уни, казалось, вот-вот сжует нижнюю губу.

Скерри согнула шею, как разъярённый бык. Хирка видела, как задрожали её косички.

– Ты здесь новичок и не знаешь обычаев, – сказала глава группы с напускным спокойствием. – Мы должны проявить понимание. Он не Умпири. Он квессар. Один из павших. Но поскольку никто здесь не может привести приговор в исполнение, ты вынесешь свой вердикт, когда мы доберёмся до Гиннунгада. До тех пор – думай.

Скерри прошла мимо Хирки и скрылась в своей палатке. Глубоко озадаченный Грид кивнул дочери Грааля и проследовал за Скерри.

Девушка же осталась стоять у костра, совершенно не понимая, что делать. Пока внезапно не обратила внимание на когти, обхватывающие колени, обнажённые клыки. Её окружали чужаки, которые ожидали услышать смертный приговор павшему. Их одежда сразу стала казаться неподобающей, больше похожей на камуфляж.

Хирка уловила дрожь в своём дыхании и взмахнула руками в бесполезной попытке стряхнуть с себя всё происходящее.

– И что же нужно сделать, чтобы раздобыть здесь немного еды?

Хунгль рассмеялся. Уни встала.

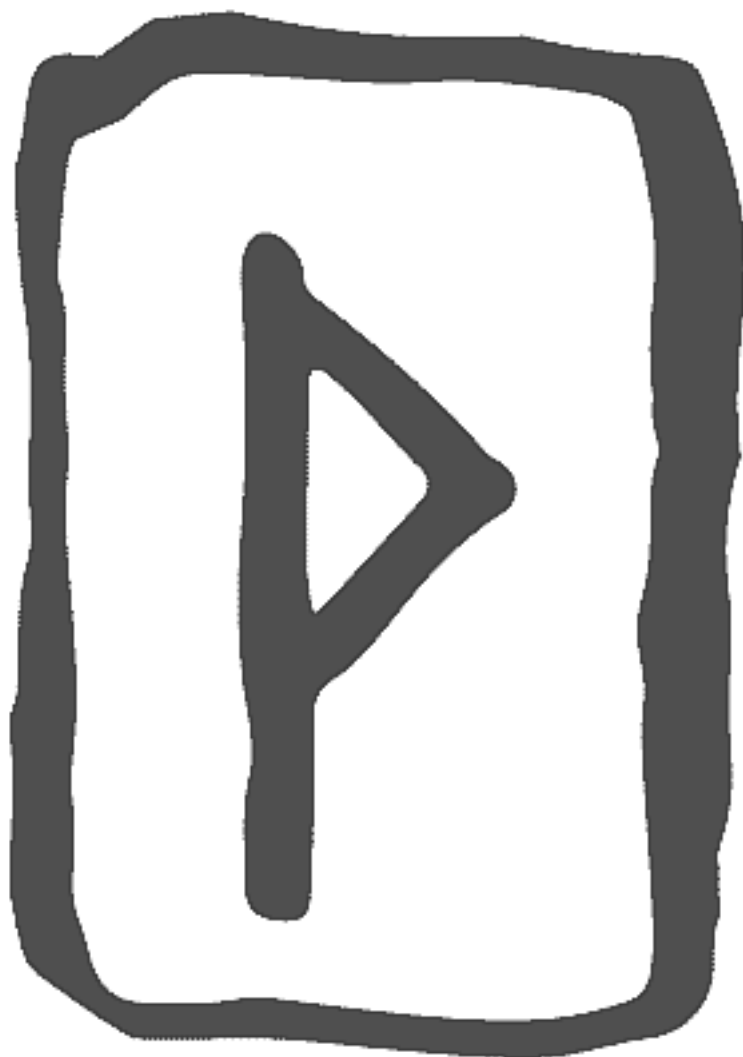
– Я принесу печенье.

Хирка посмотрела на Кесколайля.

Колайль. Его зовут Колайль.

Замёрзшая и чужая в этом мире полукровка была уверена, что никогда не станет называть его иначе, ведь теперь ей известно настоящее имя стрелка.

Он поднял глаза и в первый раз посмотрел на Хирку с ничего не выражающим выражением лица. Потом снова опустил глаза и продолжил отламывать сосульки от шкуры.

Колайль

Снегопад утих и уступил место вызывавшему уныние холодному туману. Но Хирка приняла необходимые меры. После морозной и почти бессонной ночи она начала воплощать в жизнь свой проект по выживанию. Чулки. Толстые шерстяные носки. Штанины завязать поверх сапог, чтобы не застрять в сугробах. Затем нарезала шерстяное одеяло полосками и замотала ими руки и пальцы. Ещё раньше удалось растопить снег в мехе, но вода уже давно кончилась, а оставшиеся капли превратились в лёд. Мысль об этом вызвала у Хирки приступ жажды. Поверх её мешка была привязана палатка, поэтому теперь груз стал тяжелее, чем вчера.

Но девушка упрямо шагала вперёд. Она знала, что сзади идут Тила и Колайль, и поглядывала на остальных, которые поднимались по тропинке впереди, словно тени в тумане, не проявляя никаких признаков, что собираются сделать привал. Особенно Скерри и Грид. Всегда впереди. Всегда первые.

Однако Хирка проснулась сегодня раньше всех, выиграв достаточно времени и ощутив некоторое превосходство. Не слишком серьёзный повод для гордости, но прямо сейчас большего и не требовалось.

Беглянка из Имланда подумала, что Наиэль тоже много спал, причём практически везде, где мог. В теплице в Йорке. В машине Стефана. В самолёте. Хирка улыбалась, пока не вспомнила, как всё отправилось напрямик в Шлокну. Сейчас в ларце за плечами она несёт его сердце.

Хунгль и Тила ночевали в одной палатке, расположенной ближе всех к навесу дочери Грааля: то ли чтобы не дать ей сбежать, то ли чтобы никто не смог причинить ей вреда. Ни одна из причин не внушала Хирке чувства безопасности.

Прошлым вечером она выступила против Скерри и сорвала какой-то извращённый и непонятный план. Вероятно, теперь эта трупорождённая женщина свернёт ей шею при первой возможности.

Хирку не покидало острое ощущение, что её жизнь балансирует на лезвии ножа, которого даже не видно. Достаточно ли хороша полукровка? И для чего? И в чьих глазах? Она боялась, что это выяснится раньше, чем ей бы хотелось.

Но уже стало ясно, что здесь имеются всевидящие. Умпири, которые разбираются в слеповстве. Кто-то из них должен знать, как вернуть Поток. Наиэль уничтожил его, используя мёртвых, и в мгновение помешательства она пообещала Граалю всё исправить. В обмен на мир. Неужели она сама верила в то, что говорила? Безумие. Исцелить Поток...

Исцелить Римера.

Хирка согнула шею, пошла дальше и уткнулась прямо в спину резко остановившегося Хунгля. Тот повернулся к ней. Козлиная борода была перехвачена шнурком.

– Дорога... Её нет, – беспомощно произнёс стрелок на помеси имландского и умонийского, а затем указал на Скерри и Грида. Дрейри стояли и разговаривали около тёмной раны в горной стене, куда уходила тропа.

Подбежала Уни.

– Дорогу завалило. Они найдут другой путь. Жди здесь, Хирка, – сказала она и поманила Хунгля за собой.

Тила протиснулась мимо девушки и пошла следом за остальными слугами посмотреть, что случилось.

Хирка облокотилась о камни и вознесла благодарность за передышку. За возможность немного побыть одной. Но она не осталась в полном одиночестве.

Колайль стоял прямо у неё за спиной, погрузив когти в снег. Видимо, пил через них. Хирка видела, как другие делают то же самое. Казалось, для них не имеет значения, чем пить

– ртом или когтями. Это жутко раздражало. У неё имелся только обледеневший бурдюк для воды, который гремел, как скелет костями, а остальные могли просто опустить пальцы в сугроб и насладиться водой...

Хирка скинула мешок и положила его в стороне. Потом сжала снег в руке и отправила ком в рот. Он медленно таял. Капля. Две. Язык онемел от холода. Девушка выплюнула лёд и заметила, как Колайль смотрит на неё. Что это за выражение? Удивление? Или он пытается скрыть, как ему смешно?

Овечья шкура на плечах падшего была такой же серой, как и волосы. Казалось, на широкие плечи налип грязный снег. Густая щетина и мощные челюсти делали слепого похожим на отца, как с удивлением отметила Хирка. Похожим на не слишком красивого Торральда.

Воспоминания о нём отдались уколом грусти. Дочь Грааля уже давно не реагировала на них так остро. Надо сосредоточиться на чём-то другом. На мыслях о выживании. Вода. Ей нужна вода.

Хирка подошла к Колайлю и взяла его за руку. Он вырвал кисть так поспешно, словно её собирались отрубить. Девушка снова взяла ладонь падшего, который на этот раз не стал сопротивляться, и поднесла её к губам.

– Подожди...

Первое слово, которое Хирка услышала от Колайля. На имландском.

Всё верно. Он участвовал в войне.

Он опять опустил когти в снег, поднял и позволил девушке схватить их. Она положила пальцы слепого в рот и почувствовала, как в горло полилась вода. Такой тёплой воды она не пила больше суток. И это было невообразимо прекрасно.

Хирка ухватила стрелка за запястья и присосалась к когтям. Они подрагивали на языке. А потом мужчина рывком отнял руку.

Дочери Грааля показалось, что она совершила нечто ужасное. То, чего делать не стоило. Она вытерла стекающую по губам каплю воды до того, как та превратилась в лёд.

Колайль смотрел куда-то мимо Хирки, и она проследила за взглядом.

На тропинке стояла Скерри, сжав чёрные губы в узкую полоску, и прокричала что-то непонятное Колайлю. Тот прошёл мимо девушки и удалился, предал её, оставив наедине с предводительницей отряда.

Скерри была в ярости. Она подошла к Хирке и ударила по лицу. Та подняла руку, чтобы защититься, но было слишком поздно. Пощёчина обожгла кожу.

– Ты не станешь прикасаться к падшим! Ты не будешь унижать свой дом!

Охваченная паникой Хирка попятилась, чувствуя, как по щеке течёт горячая кровь. Когти... Сколько вреда они нанесли? Девушка коснулась лица рукой и посмотрела на ладонь. На импровизированной перчатке отпечатались две красные полосы. Маленькие царапины. Ничего серьёзного. Капюшон помешал.

Скерри пристально смотрела на подопечную. Ярость, судя по всему, понемногу затихала, превращаясь в смятение. До Хирки дошло: женщина ждёт, что царапины моментально затянутся, и от этого испытала удовлетворение с привкусом горечи.

– Всё верно. На мне раны заживают не так, как на вас.

Скерри закрыла глаза и расстроено вздохнула.

– Даже *этого* ты умудрилась не унаследовать... Ты ведь не обязательно должна выжить, правда?

Трупорождённая плотнее обмотала капюшон вокруг головы Хирки.

– Не дай им заметить. Они и так не слишком высокого мнения о тебе, – сказала Скерри и удалилась.

Напуганная и разозлённая девушка задушила приступ гнева и пошла следом.

* * *

Хирка никак не могла заснуть. Отряд разбил лагерь у подножия ледяной скалы, которая вздымалась из-под снега и нависала над палатками подобно огромному клыку. Угрожающе. Угнетающе. Каждый раз, закрыв глаза, девушка слышала потрескивание, как будто ледяная глыба в любой момент могла обрушиться и раздавить всех.

Место для ночёвки выбирала Скерри. Наверняка она сделала это из мести, поскольку Хирка раскритиковала место прошлого лагеря.

В соседней палатке храпел Хунгль. Его храп был похож на рычание собаки. Лёд трещал.

Путешественница между мирами перевернулась на другой бок. Свитер закутился вокруг тела. От неё пахнет жареной рыбой, хотя наверняка ей это только кажется. Наверное, мозг тоже отмирает на морозе... Хирка не пробовала нормальной еды с момента прибытия сюда. Слепые погружали когти в отвратительное на вкус зелёное печенье. Уни сказала, его делают из водорослей и гриба, который растёт в пещерах. В походных лепёшках содержались почти все вещества, необходимые Умпири.

Хирка спросила, едят ли они когда-нибудь обычным способом. Её способом. Оказалось, слепые проводили подобные трапезы несколько раз в год во время торжеств и на следующий день обычно мучились от боли в желудке. Похоже, когда-то они ели привычным в Имланде способом, а потом просто взяли и перестали. Зато пили много всего странного. Возможно, потому, что пить разрешалось сидя.

Нет, Хирка готова была поклясться, что учуяла запах рыбы, жирной и свежей, а потому подползла к выходу из палатки, отодвинула шкуру в сторону и выглянула наружу.

Неподалёку в темноте девушка различила красные искры. Остатки костра.

Она натянула холодные, но сухие сапоги, обернулась одеялом, вышла на улицу и, как зверь, направилась на запах еды. Было темно и невозможно рассмотреть что-то, кроме снега под ногами. Ночи стояли чёрные. Чернее, чем в Имланде.

У костра сидел кто-то большой со шкурой на плечах и шевелил веткой дотлевающие угли.
Колайль.

Хирка помедлила. Щека всё ещё горела после удара Скерри. Но полукровка и изгой не испытывала стыда от прикосновения к кому бы то ни было, даже если это шло вразрез с тем, чего от неё ожидали. Она больше не являлась гнилью и может трогать всё, что взбредёт в голову, сидеть с кем пожелает и есть с кем захочет.

Хирка подошла ближе, уверенная, что слепой уже давно услышал её шаги. Живот подвело, и не только от голода. Нужно что-нибудь сказать. Но что? Формально их друг другу не представили.

– Колайль?

Он хмыкнул, точнее, издал короткий смешок.

– Не здесь.

Хирка не сразу поняла, что имеет в виду собеседник. Что здесь его так не называют.

Она приблизилась вплотную.

– Но ведь это твоё имя?

Стрелок кивнул. На камне рядом с ним было свободное место.

– Можно, я сяду? – спросила Хирка.

Стальной мужчина с седыми волосами, посеребрённой щетиной и немного впалыми щеками выглядел похожим на мертвеца, и даже слепые глаза казались какими-то раскосыми.

Хирка долго привыкала к бельмам Наизэля, которые являлись наглядным объяснением всем небылицам, которые рассказывали о слепых.

– Думаю, ты вольна делать всё, что сердце пожелает, – с горечью произнёс Колайль.

Девушка немного ослабила обмотанное вокруг тела одеяло, чтобы сесть. Над костром нависала воткнутая в снег палочка с большой форелью длиной с предплечье на конце. От запаха жаркого желудок сжался. Хирка сглотнула слюни.

– Не знала, что вы едите рыбу, – сказала она.

– Угощайся.

Предлагать дважды не пришлось. Проголодавшаяся девушка схватила импровизированный вертел и вонзила зубы в подрумяненную тушку, откусив и проглотив три больших куска, прежде чем вспомнила, что надо спросить, не хочет ли рыбы сам Колайль. Однако тот лишь помотал головой.

Хирка не помнила, когда в последний раз ела такую вкуснятину, и слопала всё, что в рыбе было съедобного, оставив только кости. Колайль вонзил в них когти, и очень скоро остатки пиршества превратились в нечто, напоминающее бесформенный ком.

Как могло случиться, что Хирка принадлежит к этому народу? Неужели в ней действительно течёт та же кровь, что и в тех, кто до такой степени не похож на неё? Они совершенны и в то же время ужасны. А ещё... бесстрашны. Она же всю жизнь провела в страхе.

– Так сколько...

– Скажи, – прервал он Хирку, – кого из нас ты пытаешься убить? Меня или себя?

– А от разговоров умирают?

– Не прикидывайся дурочкой, ты не настолько глупа.

Он прав. Хирка прекрасно понимала, что имелось в виду. Он падший. Девушка не представляла, что это означает, но ей доступно объяснили, что его не стоит записывать в друзья. Поэтому она решила действовать честно и прямо.

– Я могла забрать у тебя жизнь вчера вечером. Этого достаточно.

– Если ты ждёшь благодарности, то тебе придётся долго здесь сидеть.

– Если ты считаешь, что мне нужна благодарность за то, что я ни у кого не отняла жизнь, то ты сам слишком долго просидел на морозе.

Колайль посмотрел собеседнице в глаза, но ничего не сказал.

Она помяла снег в ладони, чтобы удалить рыбий жир.

– Почему ты промолчал, когда она захотела наказать тебя?

Слепой снова хмыкнул и покачал головой, как будто никогда не слышал более дурацкого вопроса, и лишь спустя несколько минут всё же ответил:

– Потому что меня приговорили к смерти уже в тот момент, когда Глимау побегал.

Глимау...

Съеденное тяжким грузом легло в животе у Хирки. Мужчина, которого убили у неё на глазах, больше не был чужаком, упавшим в снег. У него появилось имя. Костёр выплёвывал искры в чёрное небо.

– Почему? – спросила она.

Колайль взглянул на палатки и понизил голос:

– Я мог не стрелять и умереть за это. Или попытаться поймать беглеца, не справиться и умереть за это. Или мог выстрелить и, возможно, жить дальше. Что бы ты сделала?

– Выпустила стрелу так, чтобы промахнуться?

Слепой посмотрел на собеседницу золотыми в свете костра глазами, и она отвела взгляд, осознавая, что ответила слишком легкомысленно. Слишком самоуверенно. По правде говоря, она понятия не имела, как поступила бы на месте Колайля. Хирке захотелось исправить ошибку, объяснить, что она всё понимает. Что она не дурочка.

– Я знаю, дело не в том, в какую сторону ты стрелял. А в том, чтобы остальные смотрели на меня так, как они смотрят на *неё*. Вот чего она добивалась.

Эта мысль была настолько жестокой, что Хирка закусила губу. Скерри попросила её приговорить мужчину к смерти, чтобы продемонстрировать решительность. Чтобы напугать. Потому что подопечная была полукровкой.

– Но этого не будет, – продолжала она. – Я не такая, как она. Как вы. Я...

– Маленькая. – Колайль наклонился вперёд и поставил локти на колени. Он казался слишком большим и близким. Предплечья были обмотаны косматым мехом. – Ты маленькая. Медленная. Слабая. Быстро мёрзнешь. Тебя весь день надо поить. Неудивительно, что на тебя уже делают ставки. Тила поспорила на две порции еды, что ты погибнешь до того, как мы доберёмся до города, и, честно говоря, для тебя это был бы лучший выход. Каждому идиоту понятно, что тебе придётся проделать долгий путь, чтобы стать Дрейри. Чтобы начать походить на тех, кто принадлежит к дому Модрасме.

Хирка уставилась на собеседника. Он не смеялся, но уголки его губ подрагивали от сдерживаемого веселья. Это согрело её намного больше тепла костра.

– А тебе не кажется, что твоя честность – это уже перебор? – спросила она. – Учитывая, что меня попросили придумать для тебя подходящее наказание по дороге?

Слепой снова засмеялся. Серая чёлка затряслась.

– Как будто тебе хоть раз в жизни случалось кого-нибудь казнить.

Улыбка Хирки померкла от воспоминаний о Майке и о ноже, который воткнула в него в переулке у церкви. О горячей крови на холодных руках.

Колайль взглянул на расстроенную девушку.

– Значит, случалось? Несчастный случай, да?

Она помотала головой и стиснула шерстяное одеяло на груди. Хирка забрала жизнь, и это не являлось несчастным случаем. Она была напугана. Пребывала в отчаянии, да. И всё же... В глубине души знала, что её лезвие не случайно нашло верную дорогу между рёбер.

Колайль пожал плечами.

– Ну, тогда я стану очередной зарубкой на шесте. Ты уже приговорила меня к смерти. Если ты считаешь, что Скерри позволит тебе принять другое решение, то ты глупее, чем кажешься.

– И тебя это несколько не беспокоит? Она же хочет отобрать у тебя жизнь безо всякой причины.

– Рано или поздно причина бы нашлась. Кролики всегда умирают.

Хирка повернулась к мужчине. Ей показалось, она неправильно расслышала.

– Кролики? Какое это имеет отношение к кроликам?

– Это... Как это у вас называется? Пословица?

– Пословица говорит, что кролики умирают?

Колайль кивнул. Девушка встала.

– Никогда не слышала пословицы глупее.

Он снова пожал плечами.

Хирка подтянула шерстяное одеяло повыше, чтобы не наступать на него.

– Спасибо за еду, – сказала она.

– Она предназначалась не тебе.

Девушка знала, что Колайль лжёт. Он мог бы съесть рыбу сырой, если бы захотел. С помощью когтей. У него не было причины жарить её над костром. Не было иной причины, кроме бессильной маленькой полукровки.

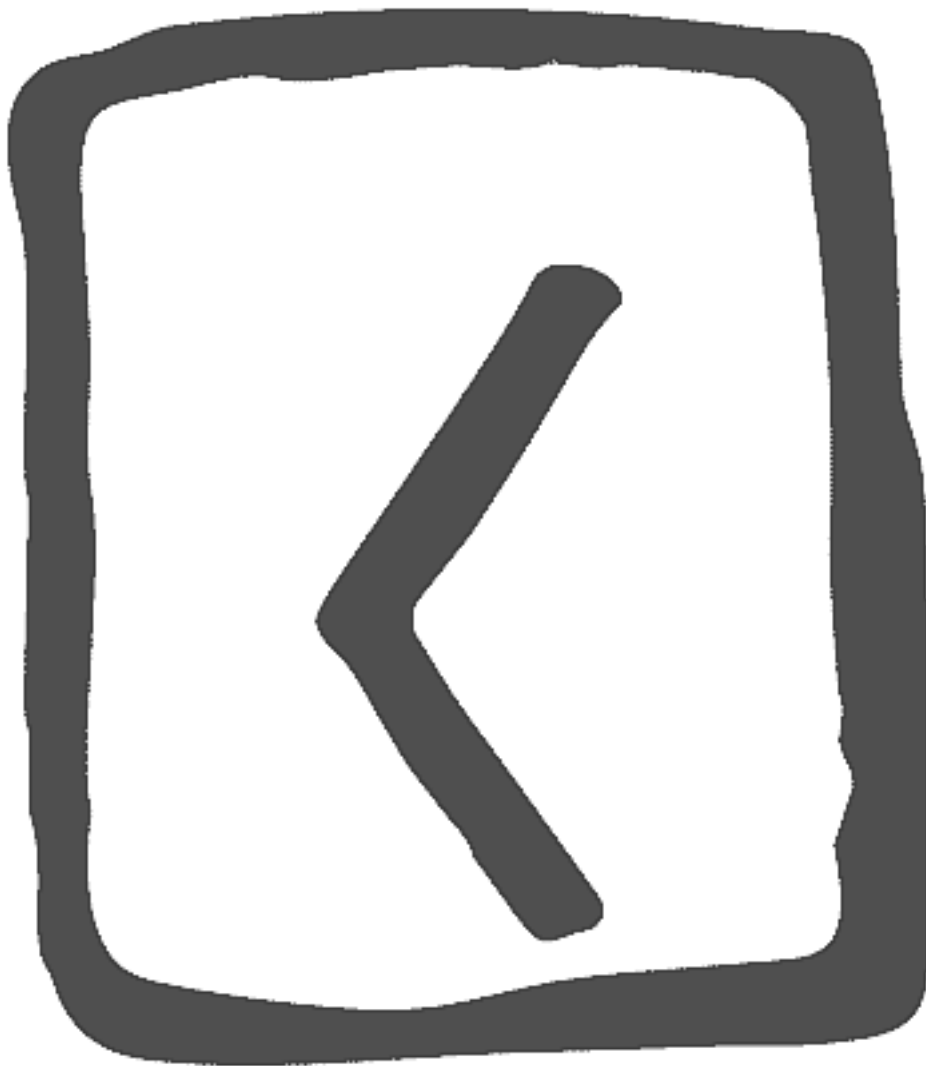
Она развернулась и собралась уходить.

– Теперь, когда мир вот-вот перевернётся с ног на голову, – услышала она шёпот за спиной. – Теперь, когда здесь ты, наша последняя надежда, наш путь к Поток, я просто обязан спросить... Каков твой план?

Хирка сделала вид, что не услышала падшего, а лишь плотнее укуталась в одеяло и поко-
выляла вперёд.

Каков твой план?

Такой короткий вопрос. И всё же он был самым страшным из всего, что она слышала
за последние дни.

Трещины

Они потеряли полдня из-за обвала, но теперь, по словам Скерри, находились на расстоянии дня пути до Гиннунгада.

Настроение Хирки колебалось от облегчения до паники. Облегчение вызывала мысль, что промёрзшая до костей путница вскоре сможет забраться в тёплую постель. А панику вызывало опасение, что ей вряд ли стоило радоваться предстоящей встрече с жителями города. И даже с членами семьи.

После разговора с Колайлем беглянка из Имланда ощущала себя Наиэлем. Ненастоящим Всевидающим. Какую надежду, по их мнению, она несла с собой? Какую надежду, по её собственному мнению, она могла принести?

Хирка пригнулась под порывом ветра и посмотрела вниз, на лёд. Отряд уже давно шёл по замёрзшей реке, которая змеей петляла по дну балки. Сначала было жутковато, но потом стало привычно глядеть вниз, в синюю глубину. Под ногами по льду во все стороны разбежались трещины. Замёрзшие пузырьки воздуха были похожими на облака. Некоторые из них находились совсем близко к поверхности, другие – далеко в толще льда. Хирке казалось, что она идёт по небу.

По берегам реки возвышались вертикальные скалы. Идти можно было только вперёд, но путь выглядел довольно безопасным по сравнению с труднопроходимой местностью, которую отряд уже преодолел. Холод и пустота. Становилось ясно, насколько полезно всё время иметь при себе шест.

Уни сбросила скорость, чтобы идти рядом с ученицей, и вообще редко позволяла той надолго оставаться в одиночестве. С каждым разом наставница становилась всё более напряжённой и требовательной, заставляя Хирку зубрить и повторять. Беспокойство Уни оказалось заразительным, хотя можно было догадаться, что на неё давит Скерри.

И те, кто ждёт дочь Грааля в Гиннунгаде.

– Ты же поняла разницу, да? Я о местоимении «я». Ты говоришь «оза» всем, кто ниже тебя по положению. Мне, например. Но общаясь с более высокими по статусу, нужно употреблять «оз».

Хирка рассмеялась.

– Тогда, думаю, обойдусь одним «оз».

Уни широко раскрыла глаза.

– Нет, нет! Всё наоборот. Ты меня не слушала? Ты Хирка, дочь Грааля, сына Рауна из...

– ...дома Модрасме, я знаю.

Уманийский язык был сложным, но находил в наследнице Умпири отклик. Звуки давались ей просто, значение многих слов угадывалось. Казалось, это знание спало в Хирке с момента появления на свет.

Она подняла голову. Небо начало темнеть. Скоро появится озорное северное сияние насыщенного зелёного цвета. Лёд неподалёку издал протяжный треск. Никто, кроме рыжей девушки, не обратил на это внимания.

– Уни, почему мы не привязались друг к другу верёвкой?

– А зачем?

Хирка потопала по льду, чтобы наглядно показать смысл затеи. Как же глупо объяснять настолько очевидные вещи.

– А если что-то вдруг случится? Нас семеро. Если ты провалишься, остальные смогут тебя вытащить.

На щеках Уни проступили ямочки, но она не улыбнулась. Хотя Хирка обратила внимание, что ямочки появлялись и тогда, когда служанка испытывала раздражение.

– Верёвка означала бы страх перед тем, что может случиться. Демонстрировала бы неуверенность в том, что ты в состоянии со всем справиться сама. Показывала бы, что тебе нужны другие.

Хирка не ответила. Как она поняла, Умпири много в чём не нуждались. В оружии, например. Единственный, кто открыто носил лук, – это Колайль. Она догадывалась, что у Хунгля и Тилы есть ножи, но не видела их. Они не испытывали потребности в инструментах. Если бы Умпири питались как обычные люди, то наверняка не пользовались бы ложками. Ведь это означало бы, что они не могут самостоятельно поесть.

– А как же это? – Хирка подняла шест. – Разве это не показывает, что я боюсь быть погребённой под снегом?

Уни задумалась, но недолго.

– Это совсем другое. Посох демонстрирует, что ты знаешь о возможности схода лавины, но всё равно идёшь в опасное место.

Хирка разочарованно помотала головой. Наставнице было почти четыреста лет. Непостижимо. Неужели все живущие вечно становятся такими? Не способными испытывать страх? Ни в ком не нуждающимися?

Уни помахала рукой, чтобы привлечь внимание ученицы. В Имланде с этой целью Хирку ткнули бы локтем в бок.

– Смотри...

Они приближались к замёрзшему водопаду, который срывался с вершины скалы ливнем синих кристаллов. Скерри и Грид посоветовались и опустили мешки на речную твердь, явно планируя остановиться здесь на ночёвку. Лёд снизу, водопад сверху.

Хирка выругалась про себя, жалея, что когда-то осудила расположение лагеря. Она сбросила мешок с плеч, отвязала скатанную палатку, потом нашла более или менее подходящее место на узкой полоске снега у подножия скалы и установила навес. Лишь там девушка ощущала свободу. Полоска ткани, отделяющая от остальных, – вот и всё. Но этого достаточно, чтобы Хирка стала самой собой и могла свернуться калачиком, а не демонстрировать остальным свои чувства. Однако быстро справиться с палаткой у неё не получалось.

Остальные установили свои шатры неподалёку. Хунгль и Колайль натаскали достаточно веток с места на горе, где случился оползень, чтобы развести небольшой костёр. Если бы рыжая полукровка не знала своих спутников, то подумала бы, что они собираются разжечь огонь ради неё. На самом же деле им, скорее всего, просто требовалось попить горячего.

Хирка взглянула на палатку, испытывая желание немедленно заползти в неё, но голод победил. Девушка вытащила нож, вышла на лёд, опустилась на колени и стала долбить отверстие. Сидевшие у костра Хунгль и Тила украдкой поглядывали на неё с берега. Тогда она повернулась к ним спиной и продолжила своё занятие.

– Что это ты делаешь? – раздался голос Колайля у путешественницы за спиной.

– Рыбу буду ловить, – ответила она, не оборачиваясь.

– Ты ведь понимаешь, что закончишь только к рассвету?

Хирка отмела в сторону горку колотого льда и стала долбить лунку дальше, ощущая присутствие Колайля за спиной. Потом он опустился на колени рядом, достал нож, который значительно превосходил размерами небольшое лезвие девушки, и принялся помогать, заставив её едва заметно улыбнуться, однако вскоре резко остановился и повернул голову, будто прислушивался. Затем вскочил на ноги. Хирка обернулась, тоже различив какой-то звук. Урчание.

Она встала. Что-то шевелилось на вершине скалы, там, где начинался водопад. Зверь? Сверху упала груда камней вперемешку со льдом. По пути она разделилась на мелкие части и посыпалась на палатки.

Хирка закричала потрескавшимися губами и бросилась к палаткам, но Колайль схватил её за ворот железной хваткой и дёрнул к себе, проорав что-то так громко, что у девушки заболели уши. Слов было не разобрать.

Она безуспешно попыталась вырваться.

– Они же погибнут! Они погибнут!

Хирка слышала крики Скерри. Их эхо металось между скальными стенами.

Остальные бежали к ним. Огромная глыба камней рухнула на землю и взорвалась снегом и льдом. Какая невероятная мощь! Онемевшую от страха девушку будто парализовало. Она видела, как исчезли две палатки. Костёр разлетелся во все стороны.

А потом раскололся лёд. Неприятный треск распространился по всей реке. У Хирки едва не подкосились колени.

– Беги! – Колайль толкнул её вперёд. И она побежала к берегу, к охваченной пламенем палатке. К Хунглю и Тиле.

Ей навстречу неслась Скерри, за спиной у которой развевались чёрные косички. Она потянулась вперёд и схватила Хирку, вонзив ей в руку когти и потащив за собой. Та бежала следом, спотыкаясь, и в какой-то момент услышала, как под ногами раздался треск. Речная гладь просела, мир перевернулся, лёд раскололся.

Колайль!

Хирка обернулась. Он бежал следом, но на замёрзшей реке между ними – вокруг них – росла трещина. Лыдина, на которой оказался мужчина, начала двигаться, грозя вот-вот перевернуться под его весом.

– Колайль! – Девушка вырвалась, выронив нож и упав на трескающуюся поверхность ранее надежного пути. Скерри прокричала что-то вслед подопечной и ухватила её за лодыжку.

– Он падший!

Хирка сбросила сапог и поползла дальше. Падший... Бессмыслица. Она потянулась к ножу, схватила его, вонзила в лёд и уцепилась за рукоятку.

Где Колайль? Было видно только качающиеся на воде лыдины. Некоторые сталкивались друг с другом и вставали на дыбы. Под ними текла чёрная и сильная река.

На поверхности показался шест. Колайль! Он провалился!

Хирка одной рукой ухватила за нож, а другой вцепилась в посох, затем поймала вынырнувшего мужчину за руку, но он был таким тяжёлым, что чуть не утащил спасительницу за собой. Лыдина, на которой она лежала, начала переворачиваться, и девушка с отчаянным криком упала в холодную воду.

Тут же Хирка почувствовала, как её снова схватили за ногу и потянули назад, заставив проехать щекой по острым осколкам. На ней повис Колайль. Это она его держит? Она не знала, больше ничего не знала. И лишь могла цепляться за запястье слепого. Оказалась между пламенем и льдом. Горящая палатка развевалась по ветру.

Колайль оторвался от спасительницы и пополз на четвереньках вперёд, как медведь, который чуть не утонул.

Хирку поставили на ноги. Прямо перед ней оказалось дикое разъярённое лицо Скерри, глаза которой стали такими же чёрными, как губы. Она принялась трясти подопечную, но та ощущала только движение, но не боль. Всё тело онемело.

– Он падший! Убийца! Ты Дрейри! Самая юная в доме Модрасме! Ты кровь Грааля и всё же рискуешь своей жизнью ради него? Отвечай мне! Ты хоть понимаешь, кем являешься?

Скерри указала на тубус у себя на груди.

– Я могла потерять его! Ты понимаешь? – Хирка уставилась на потёртый кожаный футляр и в тот же миг поняла, что это такое. Скелет ворона. Конечно. Похожий на тот, что был у Грааля, единственное средство связи с ним.

Мороз перестал казаться таким жгучим. Хирке стало почти тепло. Но она знала, что это означает. Ничего хорошего.

Она огляделась. Хаотичное нагромождение разломанного льда. Она – насекомое, застрявшее в солонке. Хунгль, Тила, Уни, Грид... Все живы. Все.

Колайль поднялся на нетвёрдых ногах и обхватил себя руками, как будто хотел завязаться узлом, но снова повалился и остался стоять на коленях.

Хирка подползла поближе к горящей палатке. Тепло... Рухнула рядом с пламенем. Если бы девушка могла, то вошла бы в огонь и дала бы себе сгореть заживо. Уни начала её раздевать. Хотелось кричать и протестовать, но дочь целителя знала, что так надо. В мокрой одежде она умрёт раньше, чем моргнёт. Было слышно, как стучат её зубы. Служанка натянула на ученицу сухую рубаху, хотя Хирка не чувствовала рук. Её укутали в одеяло и уложили спиной к огню, дав возможность наблюдать за Скерри, которая орала на Колайля. Чёрные губы медленно открывались и закрывались, как во сне.

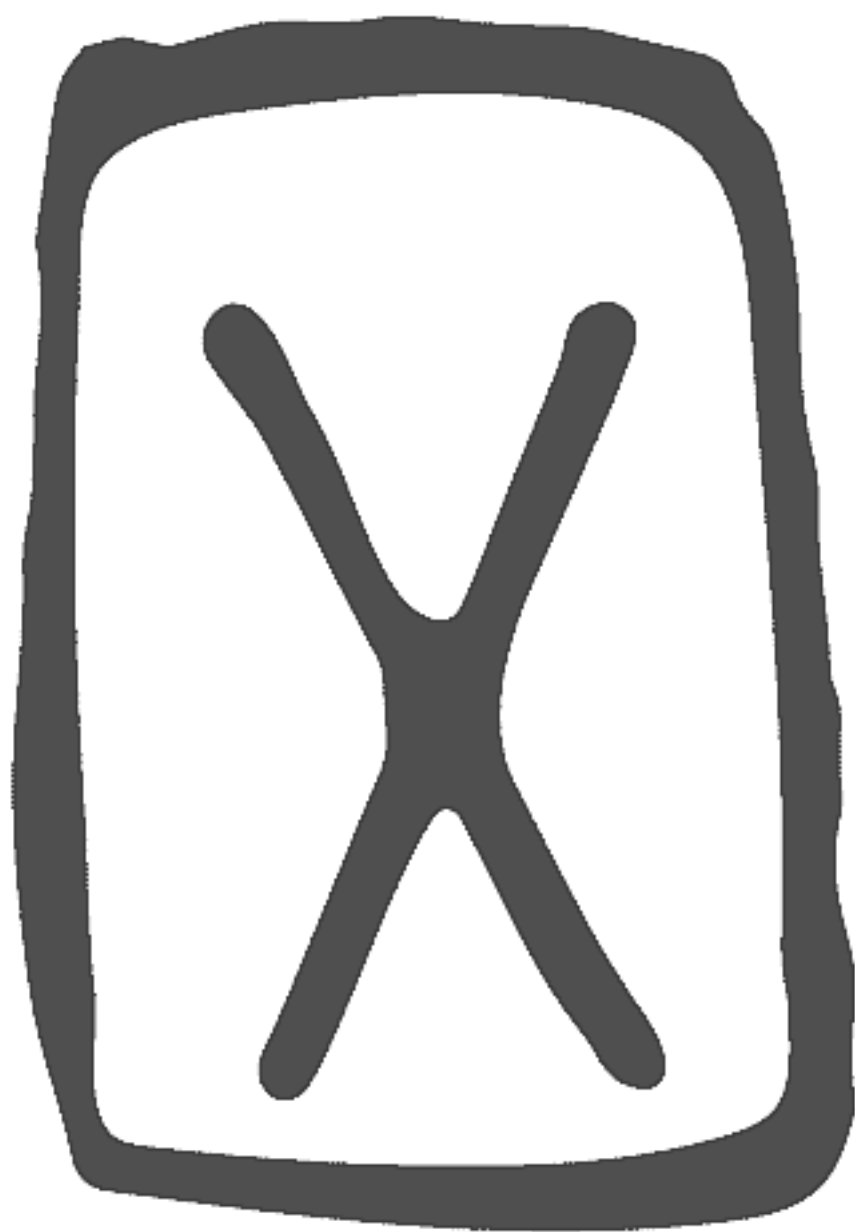
– Исс гене войкхайль!¹

Косички металась по спине предводительницы отряда, когда та потрясала кулаками. Интересно, когда замерзаешь насмерть, время останавливается? Хирка заметила деревянный шест. Они оказались правы. Это способ быть найденным, и не только под снежной лавиной. Девушка подтянула посох к себе и крепко прижала к груди. Если она выживет, то больше никогда не выпустит его из рук.

Колайль, казалось, не обращал внимания на вспышку ярости Скерри и смотрел лишь на Хирку. Серые волосы замёрзли и превратились в лёд, кожа посинела, рот растянулся в беспомощной гримасе. «Он так улыбается», – подумала девушка, проваливаясь в забытие.

– Что я говорил? – хрипло произнёс слепой. – Кролики всегда умирают.

¹ См. словарь в конце книги (прим. ред.).

Балансируя на грани

Гарм Даркдаггар смотрел вниз, на извилистую подъездную дорогу, которую освещала почти сотня сражавшихся с ветром факелов. К дому одна за другой подкатывали повозки. По каменным плитам стучали лошадиные подковы. Дверцы открывались, гости выходили наружу. Члены Совета. Знать. Купцы. Бюрократы. Друзья. И пара врагов, если быть реалистом. Гарм им точно был.

Он старался не думать о тех, за кем наблюдал. Приехали – и ладно. Важнее всего – кто *не* приехал.

Этажом ниже были слышны смех и голоса. Гарм допил вино и поставил бокал на письменный стол, а потом ощупал руками гладкое дерево. Полированная поверхность изменилась в тот день, когда сюда ворвался Ример. Обычно стол казался Даркдаггару якорем, дарил чувство безопасности. Теперь же являлся всего лишь насмешкой. Предметом мебели, за который он цеплялся, перепуганный, как свинья перед забоем.

Раньше Гарм думал, что уже слишком стар для всего этого. Слишком... практичен. Он был мужчиной, который всегда находил решения вопросов и давно завязал с кулачными боями. Завязал со страхом. Но стоять перед лицом Колкагги стало необычным опытом. Стоять перед молодым разъярённым мужчиной, который приставляет к твоему телу сталь.

Это было так не похоже на все жизненные переживания члена Совета. Дикость и безумие. И всё время в его голове крутилась мысль: вести себя подобным образом просто-напросто недопустимо.

И всё же этот Ример Ан-Эльдерин поступил именно так.

Даркдаггар поднял глаза. Свет факелов отражался от рам на стенах. Карты. Страны, города и регионы. Местность он понимал хорошо. Нет ничего красивее карт. Они показывают мир именно таким, каков он есть. Каким всегда был. Каждая вещь находится на своём месте. Государства, построенные на законе. Вот уж что Гарм знал, так это закон. И что прикажете делать, когда юнцы делают вид, что никаких правил не существует? Когда самовольничают в мальчишеском пылу? Что делать, когда они приходят к тебе? Когда тот порядок, что был всегда, перестаёт их удовлетворять?

Гарм поступил так, как должно. Принял вызов на дуэль. И сделал это, осознавая, что умрёт. У Римера Ан-Эльдериана имелось множество недостатков, но сражаться он умел. Решение Свартэльда принять бой за Даркдаггара оказалось сродни получению жизни в подарок. Спасительной соломинкой. Но даже мастеру Колкагг не удалось победить мальчишку, которого тот сам натренировал. Если бы после поединка Ример не исчез бесследно, Даркдаггар не сидел бы сейчас здесь.

Он был так близок к тому, чтобы потерять всё. Место в Совете. Дом. Семью. Свободу. Действительность стала настолько хрупкой, что могла разорваться от одного вдоха. Кто бы мог подумать?

Гарм подошёл к одной из карт Маннфаллы и постарался поправить её. Ничего не вышло. Проблема заключалась в самой раме. Она висела на стене слегка кривовато. Надо сделать новую. Лучше навести порядок в том, в чём можно. Всевидящий свидетель – на свете существует множество неподвластных ему вещей.

Кресло в Совете удалось сохранить, но времена нынче слишком интересные. Ни в чём нет уверенности. Ничто не находится на своём месте. Что может быть хуже?

Даркдаггару необходим был этот вечер. Ему требовалось завести друзей и упрочить свои позиции, а также внушить всем, что Ример лишился разума. Получится это или нет, скоро станет ясно.

Дверь распахнулась.

– Гарм? – в дверях появилась голова Элисы. Она подошла к мужу, прекрасно сознавая, как великолепно выглядит. Сапфирового цвета платье мерцало, подчёркивая синеву глаз. Что бы он делал без супруги? Не женщина, а скала. Очень удачная партия.

Элиса провела рукой по редющим волосам Гарма.

– Тирме и Фрейд пришли.

Он обнял жену за талию и проследовал вместе с ней к гостям. Как только Даркдаггар спустился с лестницы, на него устремилось множество глаз. Поднятые бокалы звенели, шелка шуршали. У него имелись друзья. У него была Элиса. И дочери. Преданные слуги. Если он правильно разыграет карты, всё это останется у него и после сегодняшнего вечера.

Даркдаггар прошёл в конец зала к возвышению, где позже будут выступать танцовщицы. Наступил важнейший момент жизни Гарма-отче. Здесь. Сейчас.

– Друзья! – сила в голосе обрадовала его. Шум стих. – Друзья, я должен сказать несколько слов, хотя сегодня вечером у меня их не так много. Я потерял дар речи. Я глубоко и искренне признателен за поддержку, которую вы оказали мне в эти непростые времена.

Речь прервал гром аплодисментов. Даркдаггар дождался, пока они стихнут, и продолжил:

– Буду честен, я едва не потерял всё, что имею. Из-за необузданной юношеской ярости. Из-за безумия. Из-за Римера Ан-Эльдерины. Подумать только, мне угрожал смертью друг семьи... Внук Илюме... – Со всех сторон донёсся одобрительный шёпот. Гарм нацепил маску грусти. – Меня не удивляет, что Равнхов предпринял попытку убить его. Видимо, она удалась, что тоже не является неожиданностью, как ни больно это сознавать. Вероятно, я никогда не узнаю, почему он решил, что я являюсь соучастником покушения. Да, я спорил с прежним ворононосцем на заседаниях Совета, но ведь так мы и призваны поступать. Мы должны спорить друг с другом. Но я никогда не пытался отнять у него жизнь.

Даркдаггар сделал паузу, позволив всем оценить его слова.

– Я никогда не пытался убить Римера Ан-Эльдерины. Я сказал это своей любимой Элисе. Хотите услышать, что она мне ответила? Она заверила, что знает это. Я спросил, откуда взялось подобное доверие. Как она могла это знать? – Он посмотрел на Элису. – И что же ты ответила мне, дорогая? – Жена застенчиво помотала головой, как договаривались. Раздались ободряющие возгласы, и она намеренно неохотно сдалась и тихо произнесла из первого ряда:

– Я сказала: потому что тебе бы это удалось.

Даркдаггар громче повторил её слова:

– Потому что тебе бы это удалось!

В зале раздались смех и громкие аплодисменты. Звук доверия. Звук успеха.

Гарм улыбнулся.

– Она хорошо меня знает. Да, если бы я предпринял такую попытку, то непременно довёл бы дело до конца. – Он придал лицу более серьёзное выражение и дождался, когда стихнет веселье. – Друзья, нам остаётся только смеяться. Но все мы понимаем, что переживаем трагедию. Ример Ан-Эльдерин пропал. На его поиски были брошены большие силы. На поиски ответов. Но мы должны принять тот факт, что его больше нет среди живых. Брат его отца с семьёй съехал. Дом Илюме пуст. «Спящий дракон» мёртв. И это особенно тяжело видеть нам, кто служил Совету вместе с Римером и наблюдал его путь к смерти. Наблюдал, как он всё глубже и глубже погружается в безумие. Мания преследования. Слепые. Трупорождённые. Другие миры...

Даркдаггар коснулся пальцами знака Совета на лбу и закрыл на мгновение глаза, как будто всё происходящее причиняло ему боль. Это оказалось не слишком трудно. Трагедия случилась на самом деле.

Гарм снова выпрямился.

– Мы не должны испытывать гнев по отношению к сумасшедшему. К мертвецу. Но нам под силу сделать всё возможное, чтобы исправить ошибки. И сегодня я совершил пожертво-

вание в размере годового бюджета города на нужды лучшей лечебницы Маннфаллы, где пытаются исцелить больных духом.

Одобрительные вздохи перелетали от одного гостя к другому.

Долговязый мужчина у двери вытягивал шею. Кунте. Его движения выдавали беспокойство. Что бы он ни собирался сказать, это было срочно.

Даркдаггар принял бокал из рук Элисы и поднял его:

– За семью и друзей!

– Семья и друзья! – повторяли гости и аплодировали хозяину дома, пока он спускался с возвышения. Из соседней комнаты раздались звуки арфы, и вся толпа потянулась туда. Гарм извинился и подошёл к Кунте.

– Это может подождать?

Собеседник помотал головой, и Даркдаггар повёл его вверх по лестнице в кабинет. Едва дверь за ними закрылась, как Кунте выпалил:

– Он жив! Я его видел!

Уточнять, о ком он говорит, необходимости не было.

Гарм устался на стол, расправил большим пальцем загнутый уголок лежащей сверху стопки бумаги, затем вздохнул. Это ещё могло оказаться ошибкой.

– Где?

– У торговца чаем с улицы Даукаттгата. В проулке у реки.

– Ты уверен? – Кунте не ответил, и Даркдаггар жестом отмёл собственный вопрос. – Разумеется, ты уверен. Что ещё нам известно?

– Вероятно, он также заходил к Ярладину, но это неточно. Было замечено какое-то движение на крыше. Возможно, свет сыграл с нами злую шутку.

Гарм снова расправил вернувшийся в прежнее положение уголок бумаги. Тот снова загнулся.

– Итак... Он вернулся, но не выдаёт своего присутствия. Мы должны исходить из того, что он не сделает этого и в дальнейшем. Потому что иначе всё будет выглядеть... драматично. Но это ставит перед нами проблему. Настоящую проблему.

– Вы хотите... чтобы я с этим разобрался?

Даркдаггар посмотрел на собеседника:

– Что ты имеешь в виду?

Кунте провёл рукой по длинным и немного сальным волосам.

– Вы хотите, чтобы я разобрался? С проблемой.

Член Совета сделал вид, что шокирован.

– Нет, Всевидящий сохрани! Мы же не дикари. Если бы я был убийцей, то давно бы переехал в Равнхов.

Плечи мужчины низко опустились, он смущённо улыбнулся. Даркдаггар подавил приступ смеха. Кунте против Колкагги? Такая дуэль закончилась бы очень быстро. В частности по этой причине его не отправили в Равнхов. А может, следовало? Вместо верного слуги Гарм обратился к неумелому посреднику, и тот не только не справился с задачей, но и разболтал объекту покушения, кто за всем этим стоит! Неужели глупость больше не имеет границ?

Даркдаггар опустил руку на плечо Кунте, стараясь не касаться сальных волос.

– Но большое спасибо за предложение. Ты хороший друг. Преданный друг. Я ценю это. Единственное, о чём я прошу, чтобы всё это осталось между нами.

– Навсегда. Мы будем смотреть в оба и выясним, куда Ример направляется.

– О, думаю, я точно знаю, куда он направляется.

Даркдаггар открыл дверь.

– И ещё кое-что, Гарм-отче... Мне кажется, с ним что-то случилось.

– Я мог сказать то же самое уже давным-давно, но что имеешь в виду ты?

Кунте помедлил.

– У него больше нет... Ну, нет хвоста. Напрочь отсутствует.

Даркдаггар нахмурился.

– Нет хвоста?

– Нет! Наверное, что-то произошло. Может быть, он лишился его в бою?

Пришло понимание, чёткое, как точка на карте. Гарм улыбнулся.

Он отрубил хвост и последовал за девчонкой.

– Этого мы, скорее всего, никогда не узнаем, – сказал он и выставил Кунте из кабинета, чтобы поразмыслить спокойно. Ример Ан-Эльдерин.

Где же ты был?

И Ярладин... Выходит, он тоже знает, что бывший ворононосец вернулся. И скрыл это от Совета. А значит, не доверяет никому из его членов. Или уже сговорился с кем-нибудь? Например, с Эйр?

Даркдаггар провёл рукой по губам. Он ненавидел, когда его заставляли действовать, ведь он был спокойным имлингом. Терпеливым. Аккуратным. Ошибки совершают, когда спешат. Но сейчас нужно действовать, причём быстрее, чем хотелось бы.

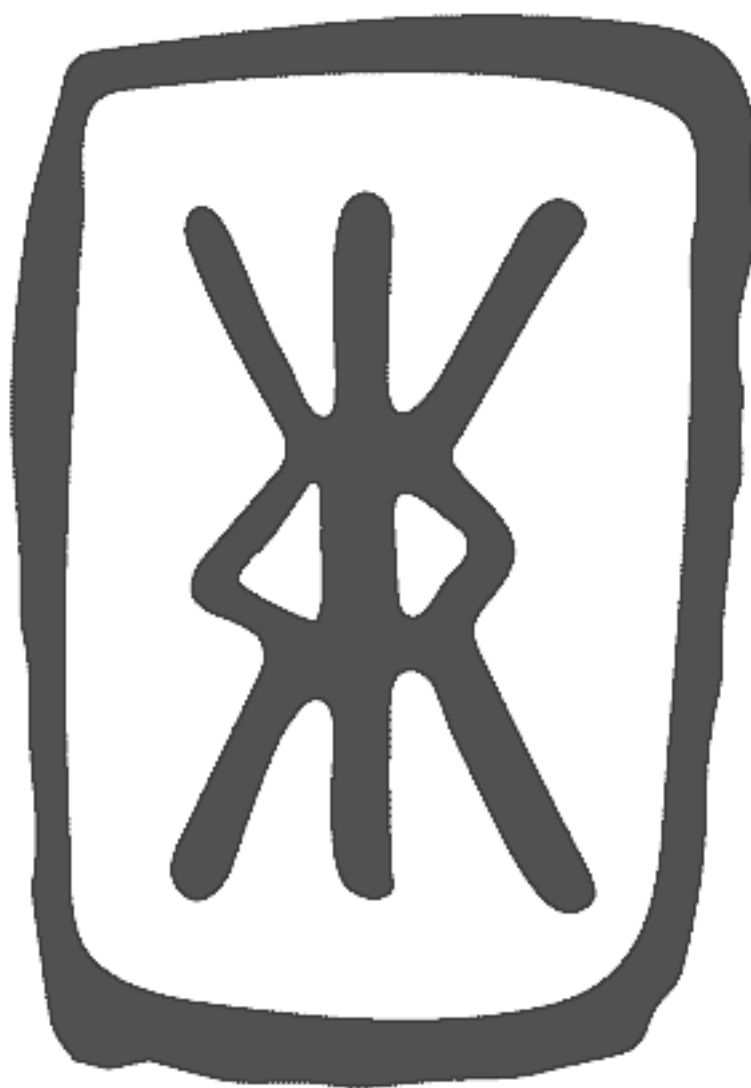
Гарм схватил непокорную бумагу и скомкал её. Нельзя принимать всё близко к сердцу. Он получил *хорошие* новости. Теперь, по крайней мере, известно, где находится безумный юнец. Можно начинать планирование. Римеру Ан-Эльдерину прекрасно подходила роль мертвеца. Обесчещенного сына Совета. Пусть всё так и остаётся.

Даркдаггар засунул бумажный шарик в карман и вернулся к гостям. Те уже были заняты другим. Сегодняшнее развлечение являлось лучшим из того, что можно купить за деньги. Танцовщица. Член Совета просил её исполнить что-нибудь стильное, но увидел совершенно иное. Одежды на ней оставалось мало, телодвижения выглядели вульгарными и балансировали на грани между талантливыми и непристойными. Между тем, что можно уважать, и тем, чего не следует делать перед публикой.

Вместе с ведущей танцовщицей выступали ещё двое: девушка и юноша. Они ещё не достигли возраста Ритуала, но, казалось, всю свою недолгую жизнь только и делали, что танцевали.

После окончания представления грянули аплодисменты, которые длились до тех пор, пока исполнители не покинули дом.

Когда вечер закончился и гости разъехались, Даркдаггар нашёл на стуле под лестницей оранжевый шарф из блестящего прозрачного материала. И маленькую карточку с одним словом: «Дамайянти».

Новый мастер

Красный полумесяц низко висел над горами.

Ример направлялся в пустошь Слепых по знакомой тропинке. Он подумывал, не пойти ли другой дорогой, но что хорошего это могло принести? В любом случае в лагерь не пробраться незамеченным. Бывшему Колкагге нечего бояться, хоть тело говорило совершенно иное. Он не объявлен вне закона. Или мёртвым. Его даже формально не лишили статуса ворононосца. Он просто отсутствовал.

Вопрос в том, относятся ли Колкагги к ситуации таким же образом. После смерти Сварт-эльда Ример не бывал в Блиндболе. Станут ли на него смотреть как на убийцу? Предателя? Может быть, Даркдаггар уже завоевал доверие бывших соратников?

В темноте белели замёрзшие стволы деревьев. Он проходил мимо них множество раз. Только в Блиндболе он чувствовал себя как дома. Интересно, остался ли этот дом?

Ример обдумывал, что сказать, но это было бессмысленным занятием. Абсолютно всё зависело от Колкагг. Сколько из них поверило вранью Даркдаггара? Сколько считают ворононосца мёртвым? Или сумасшедшим?

А может, он и есть сумасшедший. Он побывал в другом мире. В мире, который не в состоянии понять. Сам отрубил себе хвост. Убил своего мастера. Предался слеповству, скрывал в горле клюв и сделался рабом трупорождённого. И только один Ример видел, что надвигается война между народами.

Всё это вместе безусловно успокаивало.

Сумасшедший.

Меньше всего он переживал из-за потери власти, так как всё равно никогда не хотел заседать в Совете. Он хотел перемен. Но каких?

Ример подошёл к подвесному мосту и остановился. От тонкого слоя снега отражался лунный свет, и поэтому переход казался более ярким, чем обычно. Блестящая дорожка в ночи. Вспомнился скрюченный Лаунхуг на деревянных досках – полумёртвый от ран и презрения к самому себе после неудачи в Равнхове. Как бы сейчас выглядел этот мир, если бы у него в тот раз всё получилось? Если бы на крыше не оказалось Хирки и в горло Эйрику вонзился бы нож? Как бы выглядел мир, если бы Равнхов больше не представлял угрозы?

Кровавая баня...

Только у независимого горного княжества имелось достаточно сил, чтобы противостоять Маннфалле. Если бы не было Равнхова, государства создали бы новые союзы и бросились в борьбу. Все против всех. Всё же, несмотря ни на что, лучше иметь двоих сильных мужей, чем переполненную пивную, где каждый считает, что способен победить.

Ример вступил на покачивающийся под ногами мост, уловил в темноте на другой стороне движение и понял, что обнаружен. Назад дороги нет. Бывший Колкагга снял капюшон, желая быть узнанным. Прятаться он не собирался. Затем перешёл мост и зашагал среди деревьев. Их ветви создавали защитный навес над тропинкой, ведущей прямо к лагерю. Сердце сжалось от тоски, когда Ример увидел факелы. Тёплый мерцающий свет. По огоньку у каждой хижины.

Он дома.

И они позволили ему прийти. Это уже что-то значило. Но всё только начиналось. Тяжесть случившегося и того, что должно случиться, угрожала утянуть молодого ворононосца на дно. Сейчас он предстанет перед своими бывшими соратниками и постарается доказать им, что сохранил рассудок.

Было уже довольно поздно. Время чая. Как и всегда по вечерам. Из труб разбросанных между деревьями хижин поднимался дым. На улице горело три костра. Колкагги сидели

на длинных скамьях, и сейчас было особенно хорошо видно, почему их называют чёрными тенями.

Обычно оживлённые разговоры стихли. Чай оказался забыт. Ужин тоже. Кто-то застыл с миской супа в руках. Кто-то встал. Колкагги молча провожали Римера взглядами, в которых читалось ожидание.

Он подошёл к ближайшему костру. К лицам, которые были ему знакомы лучше всех. Раньше эти мужчины следовали за ним. Кто-то шёпотом произнёс его имя. Этот звук подобно ветру в листве прошуршал по всему лагерю. Один имлинг встал и вышел гостю навстречу. Миндалевидные глаза отчётливо выделялись на широком лице.

Йеме.

Он был на горе Бромфьелль. И знал. Был другом. Должен быть другом.

Йеме подошёл и оглядел Римера с ног до головы, как будто тот был призраком.

– Говорят, что ты... – мужчина не смог закончить.

Бывший Колкагга кивнул. Больше сказать было нечего.

Йеме схватил его рукой за шею и привлёк к себе. Так они и стояли, щека к щеке. Тёплая щека Йеме к холодной щеке Римера.

– Ты всегда опаздываешь к ужину. Всегда.

Колкагга похлопал юношу по руке. У того запершило в горле. Дома. У него по-прежнему есть дом.

Йеме выпустил гостя и отступил на шаг назад. Его глаза блестели. Ример тоже боролся с подступающими слезами.

Рядом возникла фигура. Женщина.

– Ример Ан-Эльдерин... – произнесла она с кривой улыбкой. Бывший Колкагга протянул руку. Незнакомка приняла её и крепко пожала.

– Я Орья. Для тебя – мастер Орья.

Ример надеялся, что ему удалось скрыть удивление. Среди Колкагг было мало женщин, и уж совсем немногие из них смогли стать мастерами.

– Я заняла место Свартэльда. Не переживай, я не собираюсь позволить тебе взять в привычку убивать наставников.

Она вернулась к костру. Сейчас вокруг него собралось много народа. Пришёл весь лагерь. Орья вновь взглянула на Римера.

– Ты жив. Это хорошая новость. Плохая же заключается в том, что грядёт буря, так ведь?

Он кивнул.

– Самая страшная из всех, что мы видели.

* * *

Одетые в чёрное воины сидели вокруг костра. Кто-то уже лёг спать, зная, что настанет новый день, а долго отдыхать всё равно не придётся, несмотря на то что Ример вернулся из мёртвых. Но большинство осталось. Им не хотелось делать вид, что этот вечер был таким же, как все остальные.

Вначале смех слушателей казался нервным, Колкагги фантазировали о том, что можно сделать с воротами. С кругами воронов.

Кто-то утверждал, что готов покинуть собственный мир в надежде попасть в место получше. Другие предпочли бы использовать проход в качестве пути отступления, ведя разбойничью жизнь и грабя все мыслимые миры. Торгар заслужил множество похвал за идею о том, что неплохо бы иметь по женщине за каждым воротами, хотя кое-кто отметил, что вряд ли во всех мирах сыщется хоть одна, кто согласилась бы возлечь с Торагром. Подобный пово-

рот беседы привёл к спекуляциям на тему, насколько мужественными являются имлинги по сравнению с иномирянами.

Смех не утихал, пока чайники ходили по рядам.

Ример радовался, что никто из присутствующих не догадывался, чего стоит совершить такое путешествие. Конечно, они спрашивали, но он ответил, что не знает. Он многого не мог им рассказать. От этого в истории остались огромные зияющие дыры, и пристальные взгляды Орьи говорили о том, что она это заметила.

Ример мог сообщить о Граале, трупорождённом, который не успокоится, пока Имланд не будет принадлежать набирнам. И мог поведать о Хирке, которая сейчас находится в мире слепых и тщетно пытается остановить их. О клюве же он, безрассудный глупец, никогда никому не сможет рассказать.

А вот хвост он отрубил себе сам, чтобы выжить в мире людей, этого скрывать не стоило. Колкагги считали, что отсутствие такой важной части тела будет иметь последствия для чувства равновесия. Свейнн, который всегда принижал свои способности, заявил, что даже *он* теперь сможет победить Римера. Остальные рассмеялись. Кто-то заявил, что теперь *каждый* может победить Римера, вызвав всеобщее веселье.

А потом они вспомнили, кого он одолел в последний раз. Вспомнили, что неуязвимого Свартэльда сейчас нет у костра и больше никогда не будет. Воцарилась тишина, лишь мерцали огни. Спустя минуту собравшиеся нашли другую тему для разговора.

Когда представилась возможность, Ример тихо ушёл. Он успел поговорить только с Орьей, но услышал более чем достаточно. Она не поддержит его план.

Бывший Колкагга шагал по узкой тропинке к одному из тренировочных залов, который стоял последним в ряду домов на самой вершине покрытой лесом горы. Крыша строения была покрыта снегом и всего на ладонь выступала за стены, прикрывая узкую полоску земли вокруг здания. Сколько раз Ример на руках обходил вокруг зала? Сколько раз приходилось начинать сначала после падения?

Он подошёл к залу и открыл раздвижные двери. В помещение ворвался ветер, как будто пустая комната засасывала его, и занёс внутрь снежную пудру, которая забилась в царапины на полу. Некоторым из них было уже сотни лет, другие появились совсем недавно, а какие-то оставил сам Ример. Царапины от его меча. Его и Свартэльда.

Юноша закрыл глаза и как наяву услышал удары стали о сталь. Палок о шесты. Ощутил запах пота. Голос наставника эхом доносился из Шлокны.

В тот день, когда я проиграю тебе, я сделаю это из любви.

Ример почувствовал, как задрожали губы. Нужно подавить рыдания. Победить горе, которое он запрещал себе испытывать.

Что он должен был сделать? Позволить Даркдаггару избежать наказания? Перестать бросать вызовы? Бросить меч, увидев, что противник – Свартэльд? Позволить убить себя? Какой во всём смысл?

На тропинке раздался звук шагов. Кто-то шёл сюда.

Орья.

Ример встал в дверях, уперев руки в бока.

– Ты не согласен? – спросила она. Юноша думал совсем не об этом, но не стал поправлять собеседницу. Она подошла на шаг ближе. – Мы Колкагги и не можем выбирать, кого слушать или откуда должны исходить приказы. Согласны мы с этим или нет, но мы – орудие Совета. Вне зависимости от того, кто в нём заседает.

Ример повернулся к женщине. На вид ей было между тридцатью и сорока зимами. Тёмные волосы собраны на шее.

– Я вырос в Эйсвальдре, – ответил он. – Я знаю, как всё устроено.

– Так почему ты пытаешься поступить по-другому? – Орья повысила голос. – Какого ответа ты ожидал от нас?

– Ты сделала свой выбор, – произнёс Ример.

Мастер Колкагт приблизилась к нему быстрыми шагами и ткнула пальцем в грудь, как будто он возражал ей.

– Ан-Эльдери́н, ты уже получил больше, чем смел мечтать. Тебя ищут, но ты не объявлен вне закона, лишь пропавшим без вести. Поэтому ты свободен и можешь остаться здесь. Никто не выдаст тебя. Сотни мужчин в лагере готовы отдать за тебя руку, а кто-то и жизнь.

– Это взаимно. – Он вновь отвернулся от собеседницы.

Та вздохнула.

– Думаешь, я не помогла бы тебе, если бы могла? Я подозреваю, что ты прав, Ример. Судя по слухам, вполне вероятно, что Даркдаггар хотел устранить тебя. Он и другие. Но мы не в состоянии действовать, основываясь на своей вере. И если случится так, как ты говоришь, если государства пойдут друг на друга и в Имланд устремятся трупорождённые... Да, даже тогда мы будем ждать приказов Совета и действовать в соответствии с ними.

Ример посмотрел на женщину. С кем она сейчас спорит? Уж точно не с ним. Орья прислонилась к стене и сложила руки на груди.

– Я слышала о тебе. Много раз. Ты мог бы заставить большинство мужчин из этого лагеря предать своих начальников. Убить Даркдаггара во сне. Сам слышал: если бы понадобилось, они последовали бы за тобой сквозь врата в неизвестные миры.

– А ты нет?

Женщина снова вздохнула.

– Знаешь, почему меня назначили мастером на место Свартэльда? Я не была следующей по списку здесь. Я была следующей по списку в Хаглефьелле, но меня перевели сюда. Почему? – Римеру пришло в голову множество причин, но он не стал произносить их вслух. Орья продолжила: – Потому что посчитали, что мужчины взбунтуются. О чём это тебе говорит?

Ример улыбнулся.

– О том, что Совет не знает собственных воинов.

Она улыбнулась в ответ.

– Вот именно. Члены Совета никогда ни дня не провели вместе с Колкагтами. Они не понимают, что мы держимся только благодаря дисциплине. Бунтовать? Мы не бунтуем, мы выполняем! Я для них представляла лишь инструмент, способ вернуть доверие Колкагт. План был прост: они назначают меня, ждут протестов и заменяют меня, продемонстрировав добрую волю. Так что я до сих пор здесь благодаря некомпетентности Совета. Мне всё это известно, и тем не менее я буду следовать их приказам. Мы подчинены им. Поэтому нам остаётся только ждать и смотреть.

– До тех самых пор, как?... – Казалось, вопрос озадачил Орья. Ример воспользовался возможностью и продолжил: – До тех самых пор, как они попросят тебя преступить закон? Нет, с законами они обращаются вольно и могут сами их создавать... До тех самых пор, как они нападут на невинных имлингов? Нет, определять виновных в наши обязанности не входит, это их работа... До тех самых пор, как они велят тебе кинуться на собственный меч? Ну и что. Это же твоя работа. Если этого желает Совет, именно так ты и поступишь.

Ример слышал злость в собственном голосе, но он должен был высказаться.

– Когда ты говоришь, что мы подождём и посмотрим, это ничего не значит. Ты уже отдала своё сердце в руки Совета. Ты рассталась со свободой иметь собственное мнение. Это твоё право, но не надо лживых объяснений. Не надо говорить, что решение основывается на *твоей* морали, потому что мораль ты уже давно отдала другим.

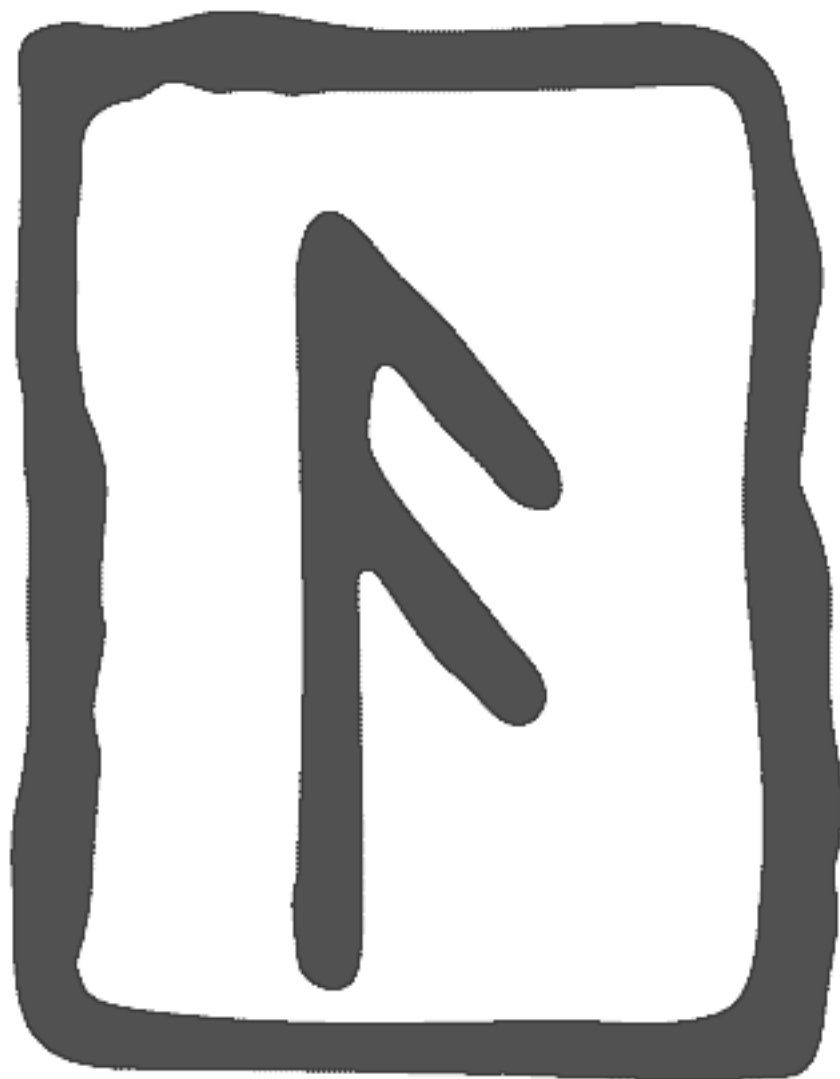
Он направился к двери.

– Если бы это было правдой, Ример, то ворон уже нёс бы сообщение Совету о твоём возвращении. Пока же я буду уважать твоё желание оставаться ненайденным.

– И что вы будете делать, когда получите приказ Совета напасть на Равнхов за покушение на убийство, которое организовал Даркдаггар? На единственного сильного союзника в борьбе с трупорождёнными?

Орья удалилась, но с улицы донёсся её ответ:

– Мы подождём и посмотрим.

Падший

По звуку, с которым открылся вход в палатку, Хирка поняла, что пришла Скерри. Она отбрасывала шкуру в сторону резким движением.

Предводительница отряда возвышалась перед девушкой, но та не поднимала глаз, довольствуясь разглядыванием сапог вошедшей. Чёрная кожа, ремешки крест-накрест до самых колен. Голые бёдра, бледные и сильные. Каждая мышца словно высечена из камня. Так внушительно. Так чуждо. Так устрашающе.

– Мы должны двигаться дальше, – сказала Скерри.

Хирка прислушалась к своим ощущениям. Благодаря камням, которые Уни вынула из костра и положила рядом, удалось согреться.

Едва не погибшая девушка села. Тело одеревенело и слушалось неохотно. Скерри бросила свёрток с высушенной одеждой. Хирка открыла было рот, чтобы поинтересоваться, как дела у Колайля, но вовремя спохватилась. Незачем лишний раз раздражать Дрейри. Уни уже сообщила, что с ним всё в порядке. Никто не погиб.

– Грид нашёл следы, – сказала Скерри. – Они почти наверняка идут из города.

– Чьи следы? – Хирка спустила плед с плеч и натянула на себя свитер.

– А ты как думаешь? – рявкнула женщина и тяжело вздохнула, пытаясь успокоиться. – Послушай, – произнесла она, опускаясь на корточки. – Ты должна понимать, что это не наш стиль. Мы Умпири. Мы не прячемся. Мы не бьём в спину. Так делают низшие из низших. Совершенно неприемлемый и жалкий поступок тех, кто даже не решается показать своё лицо.

Хирка замерла, натянув рукав свитера только до половины.

– Это сделали специально?

Белые глаза собеседницы сузились.

– Падшие. Или внедомные. Точно.

– Но почему?

– Потому что больше никто не способен на такое!

– Я хотела сказать... почему на нас напали?

Скерри посмотрела в сторону. Бусины в её волосах ударялись друг о друга, как градины. Предводительница отряда сама создаёт погоду. Она побарабанила когтями по колену и со временем подобрала нужные слова.

– Ты должна понимать, что Дрейсиль уже не такой, как раньше. Поток удерживал нас вместе. После войны всё изменилось. Посмотрела бы ты на Гиннунгад во времена расцвета. Сейчас стало больше падших. Больше низших. И то, что раньше не было трудным, стало...

– Трудным?

Скерри снова начала сверлить девушку взглядом.

– Раньше каждый знал своё место. Представление, которое ты разыграла на реке, только ухудшит дело.

По шее Хирки пробежал холодок, как будто Скерри своими словами погладила её против шерсти, и принялась натягивать штаны. Колени одеревенели и едва выпрямились.

Беглянка из Имланда лучше многих понимала, что значит быть изгоем. Она сама являлась потомком Одина. Гнилью. Человеком. И всю жизнь занимала место низшей из низших. Колайль был таким же. Тонущим. Умиравшим. Не достойным протянутой руки. Злость пеной вскипала в груди, но Хирка знала, что эмоции следует подавить.

– Как становятся падшими?

– Для этого надо убить, – ответила Скерри. – Пустить кровь представителю своего народа. Ты понимаешь?

Хирка взглянула на собеседницу.

– Я понимаю. Стать орудием, которое кто-то другой использует для убийства.

Глаза Скерри сверкнули. Потом ей стал ясен смысл произнесённых слов, и по бельмам разлилась чернота. Дрейри вскочила.

– Ты никогда не станешь одной из нас! Ты принадлежишь дому Модрасме, а говоришь по-прежнему как животное! Опускаешься до уровня падших, и не...

Хирка встала и прошипела трупорождённой женщине:

– Оза кво квессере досем!

Я тоже из падших.

Слова пришли изнутри. Хирка даже не догадывалась, что знает их, но почувствовала их правдивость. Она понимала, что за это придётся заплатить, но остановиться не смогла. И что ещё хуже, она использовала высокомерную форму местоимения «я», как будто собеседница была ниже рангом.

Скерри посмотрела на Хирку сверху вниз, и что-то в суровом лице изменилось. На нём теперь была написана не только ярость, но и оттенок неуверенности. Что сделает трупорождённая женщина, если испугается?

Лучше было этого не выяснять. Поэтому рыжая полукровка быстро перевела разговор на другую тему:

– Я видела падение Всевидящего и знаю цену изменения. Но случаются разные вещи. Непредусмотренные. Народ есть народ независимо от расы, и страх существует повсюду. Даже у Умпири. Думаешь, на нас напали бы сегодня, если бы не боялись?

– На нас напали, потому что Колайль – предатель, – сказала Скерри. Напряжение в её голосе спало, к облегчению Хирки.

– Сомневаюсь, – ответила она.

– Думаешь, ты знаешь нас? Считаешь, что понимаешь Умпири? Он единственный падший среди нас.

Хирка дрожала, и причиной этому был не только холод. Она выпрямилась и нацепила на лицо хрупкую маску уверенности.

– Кому из Умпири известно о моём прибытии?

– Нашему дому и ближайшим друзьям из верховных домов. Больше никому.

– Действительно? – Хирка усмехнулась. – Если трое знают тайну, это уже не тайна.

Она испугалась, что снова обидела Скерри, но та подняла голову и уставилась в пустоту.

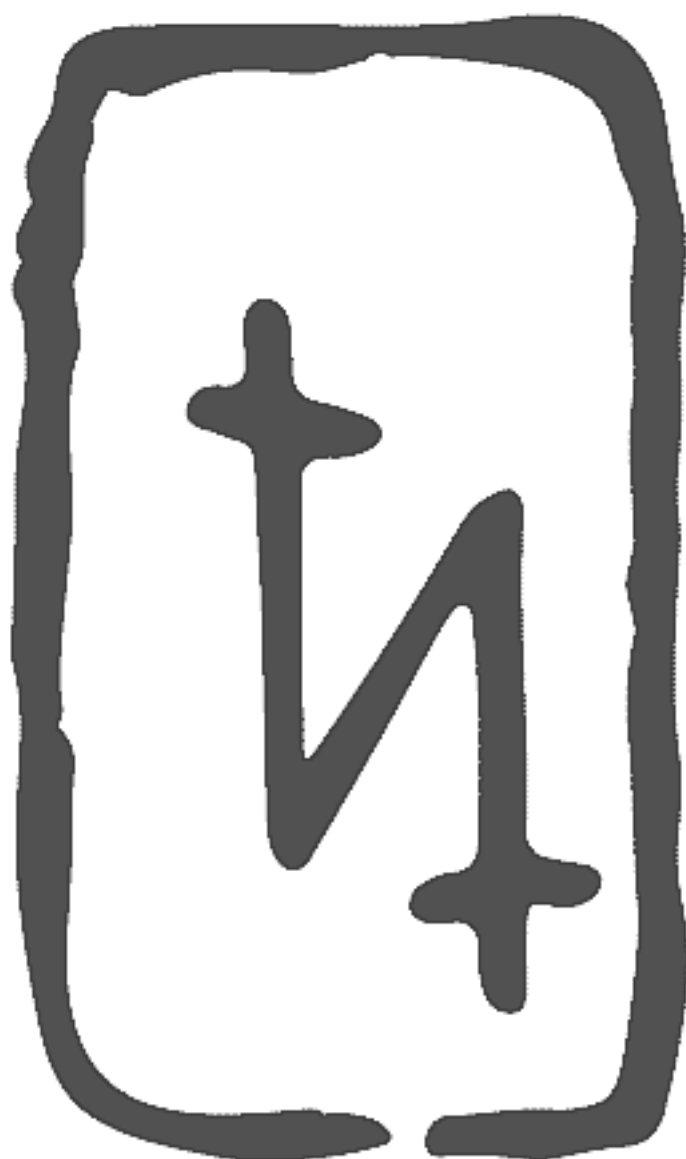
– Ты права. На нас могла напасть конкурирующая семья. Те, кто не хочет видеть, как мы вновь обретём былое величие.

На какую-то секунду Хирка даже посочувствовала собеседнице, ощущая тяжесть действительности, в которой жили слепые. Ранги. Правила. Постоянная необходимость демонстрировать грубую силу. Как стать частью подобного мира?

Скерри вновь посмотрела на девушку и растянула чёрные губы в невесёлой усмешке.

– Надеюсь, ты стоишь всего этого, – сказала она и вышла из палатки.

Когда Хирка осталась одна, то ухватилась за шест, державший палатку, чтобы не упасть.

Гиннунгад

Расстояние до Гиннунгада можно было определить по настроению спутников. Оно становилось более напряжённым, как туго завязанный узел. Хунгль, Тила и Колайль молча шагали позади всех. Скерри и Грид обменивались тихими репликами. Исключение, естественно, составляла Уни, которая демонстрировала всё большее возбуждение.

– ...И ты не должна кашлять, вздыхать или зевать, если находишься в обществе тех, кто выше тебя по рангу. И ни на кого нельзя указывать пальцем, конечно! Не следует поворачиваться спиной, пока не разрешат. А также ни при каких обстоятельствах нельзя демонстрировать клыки.

– Клыки? – Хирка приподняла бровь.

– Э-э... – Лицо наставницы едва заметно покраснело. – Ну, у тебя есть намёк на клыки, – сказала она в попытке исправить сказанное.

Девушка провела языком по зубам. Они не стали острее, чем раньше.

– А как насчёт еды? Наверное, мне нельзя есть в присутствии других?

Уни прикрыла рот ладонью.

– О небеса... Да помилуют тебя Первые, если ты это сделаешь! Единственное исключение – праздники, когда всем подают пищу и тебя приглашают к трапезе.

Которые проводятся два раза в год. Просто фантастика...

Хирка пожевала нижнюю губу. Сначала казалось, что все эти правила – выдумка. Способ проверить путешественницу между мирами. Шутка. И она продолжала бы так думать, если бы Уни не была так напряжена.

Они приближались к вырубленному из камня мосту, который изогнулся над пропастью, уходящей глубоко вниз между скалами. По бокам не было даже перил.

Скерри и Грид ступили на обледенелую поверхность без промедления. За ними шла Уни. Хирка заставила себя пойти следом, не глядя вниз, а лишь вперёд, на каменный столб по другую сторону пропасти. Вблизи стало ясно, что это превосходная шестигранная колонна с рунами по всему периметру. Наверняка однажды она была выше, но теперь, с обломившейся верхушкой, доходила Хирке только до плеч.

Девушка догнала Уни.

– Это придорожный столб?

Служанка взглянула на колонну.

– Можно сказать и так. Дальше идёт старый путь в Гиннунгад, которым больше не пользуются. Тут стояла статуя лодочника. Обычно после переправы через реку пассажиры оставляли в лодке монетки.

– На удачу?

– Ну... Скорее, чтобы избежать неудач.

– А что случилось с изваянием?

– Оно было выполнено из потокового стекла, – ответила Уни. – До того, как Поток ушёл. Подобные предметы в наши дни дорого ценятся, поэтому статую украли. Но остались рисунки с её изображением, можешь взглянуть, если захочешь.

Хирка оглянулась и посмотрела на каменный столб.

– Что такое потоковое стекло?

На щеках Уни появились раздражённые ямочки. Так происходило всякий раз, когда наставница замечала, как мало знает ученица, то есть когда возникала новая тема, которая требовала более обстоятельных объяснений.

– Потоковое стекло – это камень, созданный при помощи Потока. Вручную. Лучшие мастера могли придавать природе такую форму, какую пожелают. Они становились единым

целым с Поток и плели камни. Некоторые утверждают, что это делалось с помощью огня и воды, но я не знаю... Ты никогда не видела каменных косичек?

Хирка помотала головой. Она не хотела прерывать Уни. Это было важно. Именно такие знания были необходимы девушке. Ей было плевать, как называются дома и в кого она не должна тыкать пальцем. А вот Поток и то, как он может придавать форму миру...

Древо Всевидящего. Уничтожение Наизля.

– О, ты будешь в восторге, Хирка! В самых старых зданиях Гиннунгада сохранились целые стены, возведённые ещё до войны. Камни сплетены в такие узоры, каких ты и представить себе не можешь. Почти всё в доме Ход построено с помощью Потока. Это касается и старых шпилей, правда, большинство из них уже разрушилось. Камни вытянули настолько высоко, что с исчезновением Потока их ничто не могло удержать. Город развалился. Это случилось за много сотен лет до моего рождения.

– Ты выросла после того, как ушёл Поток? Значит, никогда его не чувствовала? И никогда ничему не придавала форму?

Уни опустила глаза и посмотрела себе под ноги.

– Даже если ты чего-то никогда не ощущала, тебе может этого не доставать.

Хирке показалось, что она задала слишком личный вопрос и коснулась болезненной темы, а потому попробовала поднять упавшее настроение служанке:

– И как же это происходило? Взять, указать пальцем и... оп! Башня готова?

Уни рассмеялась.

– Когда всё было так просто? – Она свела руки перед собой, а потом медленно развела их в стороны. – Вещам придают форму, как глине, понимаешь? Об этом можно спросить у талантливых потокоплётов, я-то сама только читала. Но они делали прекраснейшие вещи!

– Если не умирали, – вставил Колайль. Хирка обернулась. Он подобрался совсем близко, а они и не заметили.

– Они что, умирали?!

Мужчина пожал плечами, как будто хотел сказать, что это вполне естественно.

– Сотнями. Или калечились. Обжигались, если подходили слишком близко. Резались, если теряли контроль над краями. Кто-то умудрялся проткнуть себя самого. Поток предоставляет множество интересных способов умереть.

Уни исподлобья взглянула на Колайля.

– Он преувеличивает, большинство из них...

– Расскажи ей о Фельке, – прервал он.

Хирка посмотрела на служанку:

– Фельке?

Уни вздохнула.

– Это случилось как минимум тысячу двести лет назад. Фельке был одним из лучших потокоплётов. Он работал в Нифеле над мостом, который тянулся от одного дома к другому. Камень сделался слишком горячим, а воздух был слишком холодным, и вся конструкция рассыпалась под ногами творца, пролилась дождём на те два дома.

Колайль пошёл рядом с Хиркой.

– Фельке нашли на крыше, – сказал он. – В теле его оказалось столько стекла, что погибший стал наполовину камнем, наполовину человеком. Кролики умирают. Разве я не говорил? – Падший ушёл вперёд.

Хирка смотрела ему в спину. Покрытые овечьей шкурой плечи были такими широкими, что девушка легко смогла бы сидеть на одном из них. Вспомнив древо Всевидящего, она почувствовала себя нехорошо. Камень, похожий на стекло, ветви, раскинувшиеся во все стороны, как чернила в воде. Едва увидев этот монумент, Хлосниан сошёл с ума. Ему не удалось создать ничего подобного. Что казалось не таким уж и странным, раз древо являлось творением сил,

которые никогда не были подвластны резчику по камню. А вот слепые владели этим мастерством.

Однажды Хирка стояла в водопаде неподалёку от Равнхова рядом с набирном и видела, как вода превращалась в песок. Такой мощью должны обладать только боги. Сердце сжалось от внезапного приступа страха.

Боги... Дрейсиль населён богами. А вдруг отсутствие Потока – единственное, что их сдерживает? На что они станут способны, если получают его обратно? Неужели Хирка действительно хочет помочь им?

Уни коснулась её руки, заставив вздрогнуть задумавшуюся девушку.

– Жди здесь, – сказала служанка и убежала вперёд к Скерри и Гриду, которые остановились неподалёку.

Хирка подошла к Колайлю.

– Что они обсуждают? В чём проблема? – Страх угнетал её с самого прибытия в этот мир, а что может быть хуже ожидания. Разве нельзя просто поскорее дойти до города?

– Они думают, какой дорогой пойти и как незаметно провести тебя по улицам, – голос Колайля напоминал голос Наиэля. Хриплый, как у ворона, он исходил из глубины горла.

– А разве нельзя решить это всем вместе? – Хирка сложила руки на груди и обратила внимание, что мороз спал.

– Они Дрейри. Они не обсуждают дела с другими.

Он был прав. Скерри ещё ни разу не приглашала кого-то другого для принятия решения и не просила совета. Только Грид удостоивался беседы, но и с ним она обращалась как со щенком.

Колайль говорил тихо, поскольку прекрасно понимал, что им вообще нельзя общаться.

– Сперва они должны доставить тебя домой. Потом потребуется сотворить из тебя что-то приличное. Сделать из тебя Дрейри. Если это удастся, я думаю, они позволят тебе познакомиться с домом Ход. А до тех пор твоё возвращение будут держать в секрете. Никто не должен увидеть или учуять тебя. А потом объявят о тебе, но лишь формально. И наверняка обставят это с помпой.

Казалось, падший ненавидит то, о чём рассказывает, и одновременно веселится.

– Поэтому нам придётся тайно проникнуть в город! Спрятаться, – кивнула Хирка.

– Они Дрейри. Они...

– Ни от кого не прячутся, да, я начинаю понимать, как здесь всё устроено.

Колайль засмеялся.

– Значит, вполне вероятно, ты проживёшь дольше, чем я.

Хирка поковыряла снег шестом. Она хорошо понимала, о чём идёт речь. Наказание. Скерри поручила обдумать, как наказать падшего.

Колайль сплюнул в снег.

– Она согласится только на то, чтобы сделать меня кормом для воронов. А ты подчинишься.

Хирка посмотрела на собеседника и ощутила внезапное желание стукнуть кулаком по стальной капле у него лбу, да так, чтобы он почувствовал.

– Ты считаешь, я обладаю умением подчиняться?

Колайль не ответил.

Вернулась Уни. Подол её плаща отяжелел от налипшего мокрого снега.

– Они проведут тебя с южной стороны.

Её фраза прозвучала как извинение.

Мужчина усмехнулся.

– С южной? Правда? Какая неожиданность. Думается мне, никто из них там раньше не бывал.

Уни поджала губы и сделала вид, что не расслышала его.

– Скерри не хочет встретить Дрейри, особенно из верховных домов. Поэтому пришлось выбирать другие пути. Идём.

Они обогнули гору, и перед глазами путников во все стороны раскинулась долина. Ледник тянулся за горизонт, бескрайний, постепенно сливающийся с небом. Белый с серым. В нескольких местах по монолитной поверхности бежали трещины, и девушка понадеялась, что его не потребуется переходить.

– Гиннунгад, – произнесла Уни, кивая в сторону ледника.

Хирка сощурила глаза, но никакого города не увидела: нигде не было ничего, похожего на здания.

– Где?

– Скоро увидишь, – ответила служанка.

Они шли по голому склону. Из-под снега кое-где торчал жёлтый вереск. Хирка начала понимать, что трещины во льду имели значительно бо2льшие размеры, чем ей показалось вначале. Во все стороны венами разбегалась целая паутина расселин. В некоторых местах вверх поднимался дым, и внезапно до путницы дошло, что это, и она остановилась, поражённая масштабами увиденного. Аллдьюпа казалась лишь чёткой точкой на земле по сравнению с любой из здешних расщелин. Они были настоящими бездонными пропастями, идущими вглубь сквозь лёд и дальше, сквозь чёрную скальную породу. Хирка начала различать просветы между вертикальными стенами. Постройки. Дым. Фонари. Лестницы.

– Во льду... Город вырублен во льду...

– Не совсем, – ответила Уни совершенно равнодушно. – В камне, покрытом толстым слоем льда. Многие дороги и дома расположены внутри скалы, поэтому их не видно снаружи, но ты видишь... – она указала на какое-то место вдалеке. – Там, где лёд совсем синий, под ним ничего нет. Отсюда не заметно, но город тянется до самого моря.

Уни потащила ученицу за собой. Та постоянно спотыкалась, потому что не могла отвести глаз от необычных строений. Возле самого горизонта она разглядела тёмное пятно на льду. Край? Замёрзший водопад?

Небо начало темнеть, и Хирка вспомнила, как быстро здесь ночь сменяет день. Скоро будет не видно, куда ступать.

Скерри остановилась, за ней движение, как эхо, повторили остальные. Так было всегда. Уни сняла со спины мешок, извлекла из него серый плащ и дала его Хирке:

– Вот. Надень это.

Та послушалась. Не нужно было дважды просить её нацепить побольше одежды. К ним подошла Скерри и надвинула капюшон на лицо подопечной.

– Не снимай его, пока мы не доберёмся до дома. Позаботься о том, чтобы никто тебя не разглядел. И с этого момента не произноси ни слова, понятно?

Хирка кивнула.

Капюшон сидел низко. Единственное, что ей было видно, – небольшой отрезок земли под ногами. Скерри вела всех в долину, где сходились две дороги. Ещё до того как путники спустились вниз, стало совершенно темно.

Отряд шёл по узкой тропе, находясь гораздо ближе друг к другу, чем раньше.

Впереди возвышалась массивная каменная стена. Чёрная гора почти достигала неба и была настолько высокой, что, казалось, парила в воздухе. Хирка запрокинула голову, чтобы рассмотреть её целиком.

Дорога исчезала в туннеле – дыре в скальной породе, очертаниями похожей на яйцо. Когда Хирка со спутниками оказалась внутри, то ощутила себя насекомым, которое проглотило большое тёмное ничто. Стены прохода были гладкими, как чёрное стекло. Наверняка его создали при помощи Потока. Ни одно существо не смогло бы вырубить такое в скале.

Потом раздались звуки. Эхо чего-то на другой стороне. Показалось ещё одно отверстие. Пасть в форме яйца в конце туннеля. Как будто путники пробирались через горло змеи и та их выплюнула. Прямо наружу.

Хирка с трудом сдержала восторженный вопль. Улица находилась на дне балки. По обеим сторонам вверх вздымались чёрные скалы. Они были такими высокими, что из-под капюшона не удавалось разглядеть их края. Дома вырубали прямо в каменных стенах. Двери, окна, балконы без оград, лестницы... Дорожки и проходы располагались на разной высоте, петляли, исчезали в глубине горы и выныривали в другом месте. Но самым впечатляющим, конечно, было обилие мостов.

Их было так много, что казалось, кто-то пытался склеить скалы: намазал их смолой, сложил и снова разнял, а множество тягучих клейких волокон, протянувшихся между ними, застыло. Тонкие и толстые. Высоко и низко.

Хирка не знала, что ожидала увидеть. Может быть, нечто похожее на занесённый снегом Равнхов? Но только не это.

И город наводняли слепые. Трупорождённые. Они смеялись, разговаривали, кричали. Сидели вокруг маленьких столиков и пили. Тащили тележки, клетки с маленькими птицами и ведра с рыбой, связки одежды и инструментов. Значит, *хоть кто-то* пользовался здесь инструментами.

Будничные занятия, такие знакомые, что Хирка легко могла представить себе, что находится сейчас в Маннфалле. Привычные действия в непривычных условиях.

Колайль и Уни шли рядом, чтобы девушка ни на кого не наткнулась. Пахло едой. Ароматной и вкусной! Значит, здесь готовили не только противное печенье, но и другую пищу. Голод начал брать верх над усталостью.

Из окна, расположенного где-то наверху, доносилась музыка. Глубокие звуки флейты. Поблизости гудела лебёдка: по верёвке с одной стороны улицы на другую в воздухе проплывали корзины.

Хирка подумала о том, что ей довелось увидеть с тех пор, как она впервые прошла через врата. Йорк. Лондон. Венеция. Вспомнила о дверях, которые открывались сами по себе. О пистолете Стефана. О музее, где они разбили пол. Кто был в состоянии представить, что такое возможно?

И всё же ничто не казалось путешественнице между мирами таким чужим, как это место. Потому ли, что на лицах всех встречных выделялись бельма глаз? Или дело в когтях? Или в том, что местные обитатели будут жить тысячи лет?

Хирка почувствовала себя совершенно измождённой. Бесконечно усталой. Она больше не воспринимала ничего из увиденного. Слишком много обрушилось на неё впечатлений. Дни пути по ледяной пустыне сменились кипучей деятельностью города. Они шли мимо лавок, где торговали на первый взгляд чаем, но на самом деле – табаком. Мимо мрачных пещер, где бородатые слепые сидели в темноте и пили. Колайль кивнул какому-то мужчине, стоявшему возле трактира и державшему на поводке волка. За спиной Умпири Хирка разглядела красную дверь под трухлявой надстройкой.

В некоторых местах от улицы отходили новые расселины. Вдруг стало теплее. Колайль схватил девушку и оттащил назад как раз вовремя, чтобы её не обожгло паром, который вырвался из земли между двумя лавками.

– Смотри, куда идёшь.

У Хирки не оставалось энергии, даже чтобы ответить. Откуда же возьмутся силы для встречи с семьёй? От этой мысли рыжая полукровка снова похолодела. Она здесь. В одном городе с отцом и матерью Грааля. С бабушкой и дедушкой. Со своей семьёй. Ноги подкосились, Колайль подхватил едва не теряющую сознание девушку под руку и удержал от падения. Они свернули на более широкую и чистую улицу. Прохожие тут были легко одеты.

Дрейри. Верховные дома.

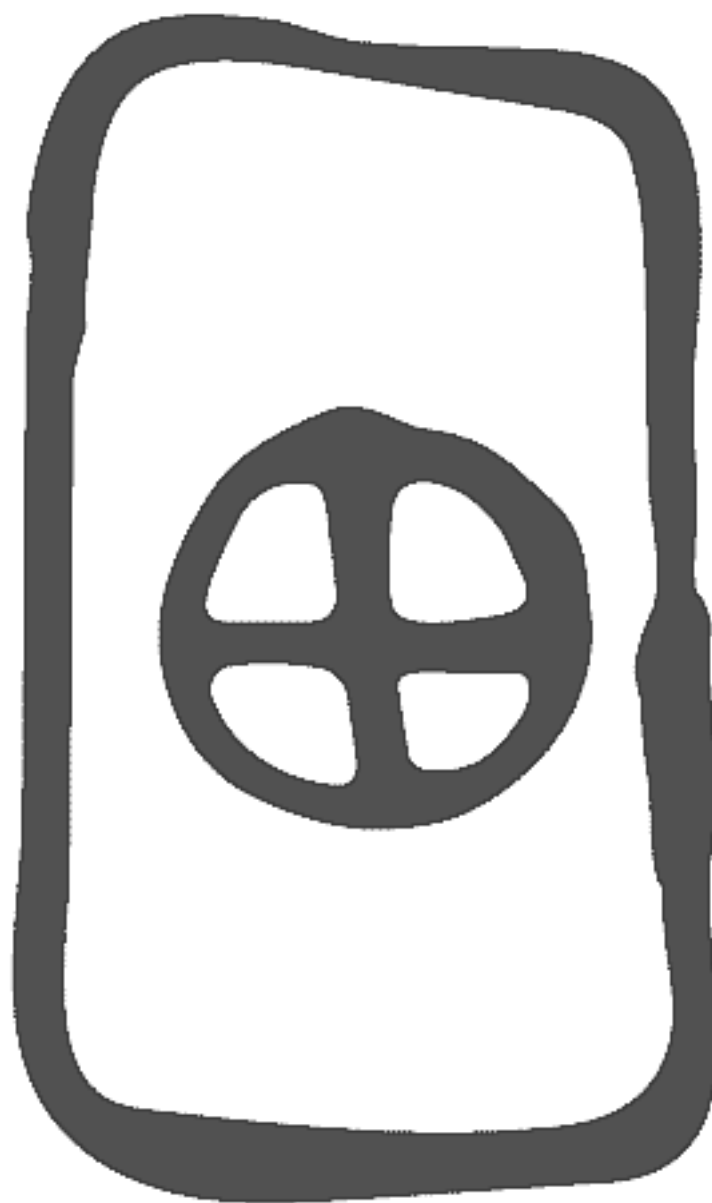
В конце дорога расширялась и выводила к кратеру. Хотя «кратер» казался неподходящим словом. Для обозначения того, что раскинулось перед ними, слов не существовало. Край света. Провал внутрь земли. Улица шла дальше вниз, но дна Хирка так и не смогла разглядеть, слишком уж стемнело. В стенах кратера по кругу тоже были высечены дома. Тысячи огней делали огромную пропасть похожей на звёздное небо. Это был центр города. Источник всех расселин. Всех улиц.

Хирка всегда нормально чувствовала себя на высоте, но сейчас у неё закружилась голова. Девушка была опустошена. Измотана.

– Почему? – пробормотала она. – Что это?

– Сумасшествие, – ответил Колайль.

Должно быть, она упала, потому что пришла в себя на руках нёсшего её падшего. Скерри не возражала. Возможно, потому, что в объятиях квессара дочь Грааля никто бы не заподозрил? Хирка потеряла ход мыслей и затихла.

Кровь от моей крови

Снаружи бушевали волны. Почти забытый звук.

Море.

Где я?

Хирка открыла глаза. Она лежала на боку и смотрела в стену. Взаперти.

По телу прокатилась волна ледяного холода. Пленница упёрлась руками в стену. Та скрипнула, но не поддалась. Комната начала раскачиваться. Это что, лодка?

Девушка села и поняла, что оказалась не в клетке и не в лодке, а в постели. Стеной почудился высокий бортик, опоясывающий ложе. Всё равно что висеть в чёрной корзине. Кровать раскачивалась, потому что была подвешена на верёвках к потолку.

Хирка провела рукой по лицу, почувствовав себя душой.

Затем проползла к отверстию в бортике, опустила ноги на холодный каменный пол и спустилась. Серая рубаха обмоталась во сне вокруг тела. Кто уложил её спать?

Большая чёрная комната была вырублена в скале. Шершавые неровные стены напоминали пещеру, но пол и потолок отполировали до блеска. Наверняка этот контраст был продуманным. Хирка опустила глаза и увидела своё зеркальное отражение. Казалось, она шагает по тёмному озеру.

Странно, что в комнате не было холодно. Откуда поступает тепло? Не видно ни очагов, ни горящих ламп. Бледный свет проникал в помещение через окно, которое занимало всю стену и состояло из нескольких небольших кусков стекла, слегка выступавших наружу. По углам они выглядели темнее, похоже, из-за налипшего пепла. Казалось, что смотришь наружу сквозь глаза птицы.

Хирка подошла к окну, коснулась рукой стекла и лишь тогда поняла, где находится. Перед ней раскинулся кратер. Для того чтобы обойти вокруг него, потребовался бы почти целый день. Продырявленные домами стены уходили глубоко вниз, в горную породу.

Хирка находилась на самом верху, рядом с краем кратера, сразу под слоем снега. В некоторых местах трещины ледника переходили в скалы и образовывали ущелья – улицы, по которым они шли прошлым вечером.

Гиннунгад. Первый город. Столица слепых.

Ветер швырял в окно снег с ледника и с воем улетал в кратер. Именно этот звук разбудил Хирку, а она подумала, что слышит шум моря.

В дверь постучали. Девушка вздрогнула, чётко осознав две вещи: она скоро встретится со своей семьёй и приговорит кого-то к смерти.

– Да? – хриплым голосом сказала Хирка.

В раздвижную дверь, которая почти сливалась со стеной, вошла Уни. Сейчас, приведя себя в надлежащий вид, она выглядела по-другому. Каштановые волосы обрамляли круглое лицо. Служанка несла миску с бульоном, который пах рыбой.

Ямочки на щеках сделались глубже.

– Ты должна простить нас, мы не знаем твоих потребностей в еде и тепле.

Хирка приняла миску из рук Уни и быстро опустошила, явно смутив этим наставницу, и тогда вспомнила, что при других принимать пищу нельзя. Девушка покраснела.

Уни указала на ряд полок возле двери:

– Там ты найдёшь одежду. Это вещи, которые принадлежали Скерри. До того, как ей сшили новые.

Хирка вспомнила обтягивающее кожаное облачение предводительницы отряда, с ремнями и пряжками, и покачала головой:

– Спасибо, но... Я могу носить свои вещи.

Уни слегка поджала губы.

– Силу и красоту должны видеть. Можешь выбрать что-то из той одежды. Ванная там.

Она указала на раздвижную дверь прямо напротив кровати, а потом развернулась, чтобы уйти.

– Уни, а как она возникла? Эта дыра? – Хирка кивнула в сторону окна.

– Кратер был всегда, но увеличился, когда его стали копать в поисках Потока, – ответила наставница. – Поторопись, тебя все ждут. Ты самая молодая в доме Модрасме, а никто из них тебя ещё не видел.

Уни удалилась тем же путём, что и пришла.

Хирка раздвинула двери в ванную. Сразу за порогом оказалась лестница, ведущая прямо в исходящую паром воду. В углублении можно было вытянуться в полный рост.

Слава всем богам!

Сбросив рубаху, Хирка погрузилась в наслаждение. Если она принимает ванну в последний раз в жизни, нужно сделать это как следует.

* * *

Хирка тянула свитер вниз, но он по-прежнему оставался слишком коротким и отказывался прикрыть пупок. А ещё был связан большими петлями из блестящей пряжи, благодаря чему походил на непригодную к использованию кольчугу. Какой никчемный наряд. Однако рыжая полукровка должна сделать всё, что от неё зависит, чтобы быть принятой в семью.

Хирка шла на звук голосов. Стены загибались, как сводчатый неф. Коридор вёл в зал продолговатой формы. С одной стороны помещения на потолке находилось окно, которое открывало вид на ледяной покров и освещало сине-зелёным светом группу слепых. Их было слишком много. Уни стояла возле стены чуть поодаль от остальных. Хирка почувствовала страх и ещё раз потянула вниз свитер и пригладила волосы, хотя это едва ли могло ей помочь.

Семья. Её семья. Кровные узлы.

Дочь Грааля заметили. Разговоры прекратились. Наступила такая тишина, что Хирка слышала, как подошвы её обуви касаются каменного пола, как воет ветер за рядами пупырчатых стёкол. Интересно, получится ли убежать от всех этих взглядов, если сейчас выброситься в окно и улететь в кратер? Вряд ли... Судя по царящей на улице непогоде, стёкла здесь прочные.

Будь гордой. Бесстрашной. Будь Дрейри.

Хирка выпрямила спину и задрала подбородок. Подошла Уни и тенью встала за спиной ученицы, готовая помочь. Перевести. Поддержать. Во всяком случае, девушка надеялась на это.

Все вокруг казались такими чужими. Одна-единственная полукровка находилась в помещении, наполненном слепыми. Сильными, дикими, с когтями и молочно-белыми глазами. Ощувив дрожь, Хирка вдохнула поглубже.

К ней приближался мужчина в тесном чёрном наряде, который подчёркивал силу Дрейри. У него была коротко подстриженная окладистая борода и длинные волосы душераздирающе рыжего цвета. Рыжий... Как сама Хирка. Яркие пряди волнами спадали на грудь. Дочь Грааля поджала губы, чтобы они перестали дрожать.

Мужчина остановился перед ней. Широкие плечи, узкая талия. Девушка подняла глаза. Тишина требовала действия. Нужно что-нибудь сказать. Больше никто ничего не говорит, все ждут слов слепого. Как он оценит Хирку? Отвергнет или примет?

Он повернулся к остальным и развёл руками:

– Ха-а-а-а!

Хирка вздрогнула. То ли восклицание, то ли смех. Рыжий откинул голову назад и снова засмеялся. Потом повернулся к гостье и сказал что-то непонятное.

– Она ужасно говорит на умонийском, – сказала Скерри, складывая руки на груди. Мужчина сделал вид, что не слышит её слов.

– У неё мои волосы! – произнёс он по-имландски. – У дочери моего сына!

– И глаза, как у зверя, – добавила Скерри.

Хотелось бы Хирке знать, чем она досадила трупорождённой женщине. Конечно, если не брать в расчёт того, что привезла сердце, которое та наверняка хотела сама вырезать из груди врага.

– Мои волосы... – прошептал рыжий и провёл когтями по шевелюре Хирки. Та прижала руки к телу, сопротивляясь желанию тоже дотронуться до прядей мужчины.

– Смотрите! – сказал он приглушённо. – Смотрите, какая она юная! Только поглядите на неё!

Он заключил девушку в объятия, прижимая к твёрдой как камень груди, и втянул в себя её запах. Полукровка чувствовала пальцы слепого у себя на затылке. Борода касалась кожи на её голове.

– Дочь моего сына. Кровь от моей крови.

Новообретённый дедушка отстранился, не выпуская внуку из объятий. Его глаза изучали её лицо.

– Я Раун, – сказал он. Имя запало в сердце девушки и начало разрастаться, да так, что ей стало трудно дышать.

– Я Хирка, – ответила она.

– Конечно, это ты. Конечно, – произнёс мужчина так, будто она сообщила, что является богиней.

Этот миг был испорчен хриплым женским хохотом.

– Вот это? Вот это мы продемонстрируем дому Ход?

* * *

Дом Модрасме представлял собой семью из семи слепых, не считая слуг. Рыжий Раун оказался дружелюбным и красивым. У его жены, черноволосой Ухере, нижняя челюсть слегка выступала вперёд, создавая впечатление злобности. Как будто женщина постоянно стискивала зубы. Раун и Ухере. Отец и мать Граалья. Дедушка и бабушка Хирки. Она несколько раз повторила это про себя, но всё равно не смогла поверить.

В доме жил также отец Ухере, Луг, тощий мужчина, волосы которого падали на лицо и заслоняли его, как тёмные шторы. Жена Луга была моложе его, её звали Цирра. Их дочери Ване сравнялось двести восемьдесят девять лет, и, таким образом, она являлась самым молодым членом семьи. Естественно, до появления Хирки.

Сама Вана, встряхивая шапкой кудрявых каштановых волос, развалилась на кресле, покрытом звериными шкурами, и наматывала на палец украшение, которое висело на шее. На полных губах, которые казались слишком большими для узкого лица, играла презрительная улыбка.

Модрасме являлась главой семьи. Ей было больше трех тысяч семисот лет, но на фарфоровых щеках не появилось ни одной морщины. Никого не удостоив взглядом и уставившись в воздух, родоначальница дома неподвижно восседала на кресле с высокой спинкой. Серебряные волосы волнами спадали до талии.

– Дайте мне взглянуть на неё, – наконец вымолвила женщина. Раун подвёл внуку ближе к креслу. Хирка была готова упасть перед Модрасме на колени, но вовремя сдержалась и вместо этого нагнулась к приподнятой руке. Женщина, которая дала своё имя дому, выглядела усталой. Она не казалась измождённой, но, похоже, ничто и никогда не производило на неё

впечатления. Праматерь коснулась холодной ладонью щеки Хирки, посмотрела на неё, а потом замахала, как будто велела всем выйти вон.

Казалось, это очень развлекло Скерри и Вану, которые обменялись многозначительными улыбками. Как с семьёй связана сама Скерри, так и осталось неясным. Говорила она так, как будто являлась главной. Хирка изо всех сил пыталась следить за разговором. Похоже, все открыто обсуждали её недостатки. Язык. Глаза. Ручки-палочки. Когти. Девушка уже сильно пожалела, что не обладает когтями. Все беседовали так, словно её не было в помещении.

Уни переводила. Шептала на ухо Хирке, совершенно не понимая, как больно той слышать презрительные слова.

Как такое произошло? Как так получилось, что она стала своего рода спасением для семьи трупорождённых? Они же чужаки! Они ведут чуждую ей жизнь чуждым образом, и то, что волнует их, нисколько не касается её. Ни дом, ни честь. Её интересовала только одна вещь – Поток. Их знание было единственным способом понять, как достать клюв из горла Римера.

Хирка наклонилась к Уни.

– Скажи, что нам надо встретиться с каким-нибудь Всевидящим. Скажи, это важно.

Наставница помотала головой.

– Сейчас намного важнее другое.

Хирка настаивала:

– Скажи!

Уни перевела. Присутствующие начали переглядываться, как будто не поняли просьбы. Вана надменно рассмеялась, не поднимаясь со своего кресла, что было довольно необычным поведением для Дрейри, если Хирка правильно их поняла.

Ей ответила Ухере. Мать её отца, которой можно было дать на вид зим тридцать и которая наверняка выглядела так уже кучу времени. Лоб женщины закрывала чёрная чёлка. Лицо выражало озабоченность. Шею слишком туго обхватывало украшение.

– Никакой всевидящий не поможет тебе сделать то, что должно. Времени осталось мало. Дом Ход знает, что ты находишься в городе, и скоро они пожелают увидеть тебя. Если повезёт, то к тому времени ты научишься составлять предложения на умонийском. А если повезёт ещё больше, то сможешь к тому же двигаться и одеваться как подобает. До тех пор времени ни для чего другого нет.

Хирка посмотрела в пол.

Раун поднял когтем её подбородок.

– Глупости. Она будет готова. В ней течёт наша кровь. Самая молодая кровь. – Хирка заметила, как Скерри и Вана обменялись взглядами.

– Ты – лучшая новость с тех пор, как... – Раун не закончил предложения.

– Не для него, – ровно произнесла Вана, кивнув на противоположную сторону зала.

В помещение вошёл бритоголовый слуга, которого Хирка раньше не видела. За ним следовал Колайль. Он остановился на расстоянии ото всех. По скучающему лицу падшего совершенно невозможно было сказать, что ему осталось жить несколько мгновений.

По спине Хирки пробежал холодок. У неё имелся один план, одна мысль, которая совсем недавно казалась вполне приемлемой. Сейчас она утекала, как мелкий песок сквозь пальцы.

– Кесколайль! Подойди! – Раун жестом подозвал квессара ближе, и тот подчинился, не глядя в глаза Хирке.

– Скерри сказала, что ты выпустил стрелу, которая пролетела очень близко от Дрейри и могла её ранить. Это так?

Колайль кивнул. Хирка разинула рот. Если бы она стояла ближе, то отвесила бы падшему пинок. Почему он раньше не мог хотя бы попытаться всё ей объяснить?

– И ты совершил это с дурными намерениями, осознавая риск?

Колайль вновь кивнул. Его серо-стальные волосы растрепались от царящей на улице непогоды. Хирка сделала шаг в сторону Рауна.

– Ему пришлось. Он поступил так, как ему велели.

– Искренне на это надеюсь, – ответил отец Граалья. Скерри криво улыбнулась. Девушка же словно остолбенела. Злость и отчаяние закипели в ней и превратились в неудобоваримую смесь. Оказалось трудно сохранять спокойствие, но так было надо. Если Хирка поддастся чувствам, то проиграет.

Раун взглянул на неё.

– Это Дрейсиль. Он знает, что совершил. Ему известны правила. Но это тебя он обидел, поэтому тебе и выносить вердикт. Каков он будет?

Хирка сделала глубокий вдох, чтобы заставить сердце биться ровно.

– Он попал в беглеца. Во время метели, с большого расстояния, – произнесла она. – Это доказывает, что я не подвергалась опасности. Он выдающийся стрелок, и там, откуда я прибыла, не наказывают за мастерство в своём деле.

Раун кивнул и провёл пальцами по бороде, как будто задумался. Скерри огорчённо застонала и открыла чёрный рот, чтобы что-то сказать, однако Хирка продолжила речь, чтобы не дать той всё испортить:

– Но я понимаю, что правила нужно уважать, и подумала... – Она на мгновение прикрыла глаза. Неуверенность пользы не принесёт. Необходимо быть предельно точной. – Мой вердикт: наказанием станет служба мне. Он будет учить меня местной жизни и обычаям. Всему, что надлежит знать.

Раун сложил руки на груди.

– Ты не можешь желать лучшего наставника, чем Уни. Другие тебе не нужны.

Хирка немного приподняла подбородок.

– Она в состоянии научить меня жизни верхушки общества. Ко... Кесколайль же расскажет о существовании на дне. Только глупец лишит себя хотя бы одной из этих возможностей.

Раун приподнял бровь.

– Один из падших угрожал твоей безопасности, а ты хочешь наказать его, сохранив жизнь?

Хирка пожала плечами.

– Насколько я слышала, это всё равно не жизнь. Почему бы не позволить ему принести пользу?

Раун откинул голову назад.

– Ха-а-а-а! – его смех свидетельствовал о победе. Хирка попыталась скрыть облегчение. Она знала, что выиграла.

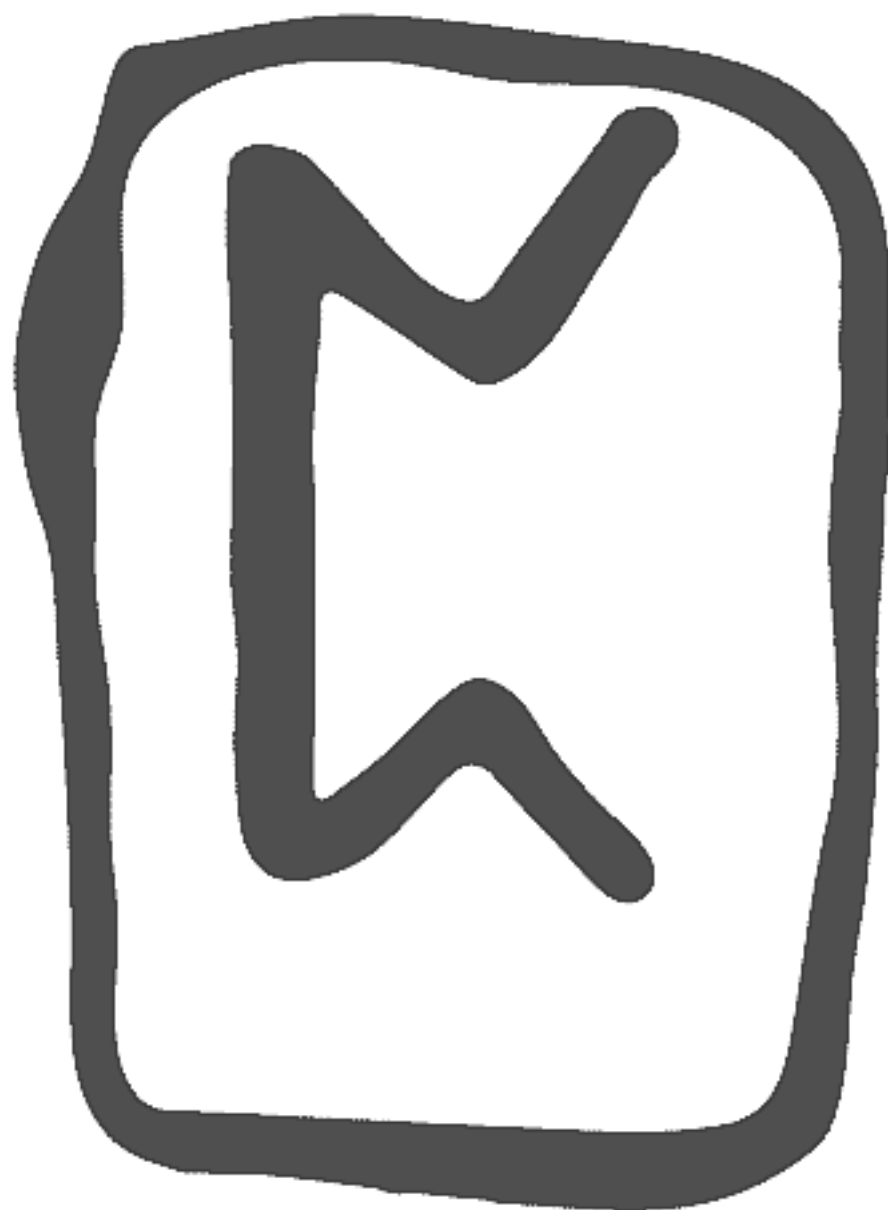
– Итак, Кесколайль, – произнёс рыжий мужчина, – надеюсь, нам нет нужды обращаться в Совет с этим вердиктом. Ты принимаешь его?

Падший опять кивнул. Войдя сюда, ничего другого он не делал.

– Хорошо! Ты будешь приходить, когда тебя захотят видеть, и обязан делать всё, о чём тебя попросят, пока внучка не решит тебя отпустить. Ты можешь продолжать подрабатывать, когда не нужен ей. Теперь оставь нас.

Колайль взглянул на Хирку и качнул головой. Едва заметное движение. Но девушка знала, что он пытается сказать. Она дурочка. Она выиграла, но пошла против Скерри.

Только богам известно, какую цену за это придётся заплатить.

Источник

Ример сколько мог двигался вглубь Блиндбола по системе троп и подвесных мостов Колкаг, но на полпути к Равнхову она кончилась. Дальше пришлось пробираться между горами наугад. Они возвышались со всех сторон, как башни, заметённые снегом с подветренной стороны. Территория менялась в соответствии с временами года. То, что в прошлый раз выглядело отличной дорогой, теперь могло стать смертельной ловушкой. Зевать было нельзя.

Мороз казался уже не таким сильным, как всего день назад. Скоро наступит весеннее равноденствие, а снег уже начал активно таять. Во всяком случае, местность стала проходимой. С ней можно было договориться.

В отличие от Орьи.

Новый мастер Колкаг оставалась непоколебимо преданной Совету. Не следовало слишком сильно давить на неё, потому что Ример жил в лагере практически из милости. Он-то надеялся прибыть в Равнхов со спасением, с армией чёрных теней, однако теперь нёс туда лишь плохие новости. Мобилизация в Маннфалле. Грядущая война. Хотя Эйрик наверняка и без того уже давно обо всём знает.

По крайней мере, Римеру казалось, что хёвдинг Равнхова будет единственной живой душой в Имланде, кто обрадуется, увидев его живым. Вместе они найдут решение. Отделят друзей от врагов и создадут союзы, которые смогут сломить Даркдаггара и армию Маннфаллы, а потом встретиться с более серьёзным врагом.

За спиной у Эйрика – его народ. Ример получит совет о том, как вернуть Колкаг и переманить Орию на свою сторону. Это было сейчас важное всего. Без войска и начинать не стоило.

Небо стало сереть, заставив путника сбросить скорость. Местность выглядела знакомой. В памяти всплыло воспоминание, от которого по телу побежали мурашки.

Источник.

Он находился в ложбине. Снег на берегах растаял. От зелёной воды поднимался пар, и от этого было похоже, что горы вдаль извиваются.

Ример остановился. Стая ворон взлетела и скрылась. Казалось, его силы исчезли вместе с птицами. Он вновь стал немощным, а сердце разрывалось от воспоминаний.

Там, у камня, стоял заплочный мешок Хирки. Совсем рядом Ример убил своих соратников. Кровь Лаунхуга текла в воду. Они пожертвовали своими жизнями, чтобы защитить Всевидающего, которого, как ему уже было известно, не существует. Останки погибших Колкагги давно убрали, а снег замёл все следы.

Но тело помнило. Укол в бок, открытая рана.

Ример посмотрел на воду. Он тогда хотел идти дальше, но Хирка настаивала так, как умела только она, что им обязательно надо искупаться. Угрожала блохами и паразитами.

Его мир лопнул по швам. Всевидающего не существовало, Урд убил Илюме, им же было некуда бежать, кроме Равнхова. А она говорила о блохах...

Бывший Колкагга улыбнулся. Внезапно мечи за спиной стали очень тяжёлыми. В тот раз ситуация казалась безнадёжной, но тогда он ещё не знал, что такое безнадёжность. Она понастоящему навалилась только сейчас.

Ример подошёл к источнику, опустил мешок на землю, прислонил мечи к камню и начал раздеваться. Нестерпимо захотелось согреться и вернуться назад во времени. К тому времени, когда Хирка ещё не отвернулась от друга детства. До Даркдаггара. До клюва.

Снег вокруг его босых ног растаял. Ример сложил одежду, пристроил её на мешок и скользнул в воду, которая обжигала кожу, любя и наказывая одновременно. Парень закрыл глаза. Он лежал между теплом и холодом. Между водой и снегом.

Хирка тоже лежала здесь. Девушка, которая выкрутила этот мир, как тряпку. Девушка, ради которой Ример совершил неимоверное количество глупостей. Девушка, которую он поцеловал.

Тело проснулось и затвердело. Он вспомнил прикосновение её губ к его губам. Вспомнил, как её рука шарилась по его шее, по обнажённой коже. Сейчас Хирка его ненавидит, но ведь так было не всегда.

Страдание и желание терзали тело. Они превратились в потребность, которой необходимо удовлетворение. В приказ, который необходимо исполнить. Однажды Хирка хотела его. Если бы они могли, то занялись бы любовью там и тогда. Он знал.

Ример провёл рукой вниз по животу и почувствовал першение в горле.

В горле...

Грааль!

Першение перешло в зуд. Совершенно иные страдание и желание. Сердце забилося быстрее: то ли от возбуждения, то ли от ужаса. От таких противоречивых эмоций Римера подташнивало. А потому он приподнялся, схватил одежду и отыскал флакон Дамайянты. Кровь слепых. Кровь ворона. И боги знают что ещё.

Что мне сказать?

Шпионка уже наверняка поведала Граалю о Даркдаггаре и о том, что молодой вороносец лишился места в Совете. Скрывать такое бессмысленно. Насколько сильную ярость вызвала эта информация, предстояло выяснить.

Ример сжал зубы и попытался воспротивиться неизбежному, заставить себя терпеть, создать иллюзию, что у него всё под контролем. Бесполезно. Чем дольше он ждал, тем сильнее становилась боль.

Раб слепого слился с Потоксом, открыл рот, капнул в горло пару капель и почувствовал, как клюв оживает и начинает по-звериному двигаться. Тошнота вернулась. Ример сплюнул кровь.

– Грааль...

Он выбрался из воды и теперь стоял на четвереньках на снегу. Слова рождались в горле так, будто были его собственными.

– И когда ты собирался рассказать мне?

Ример коротко усмехнулся.

– О чём? Столько всего произошло, – ответил он.

– Мне нравится думать, что я не склонен к злорадству, и на самом деле в сложившихся обстоятельствах радоваться нечему. Но что я говорил? Разве не предупреждал, что с каждым днём отсутствия в Имланде ты теряешь всё больше власти? Разве не заявлял, что тебе не стоило являться сюда?

Ример закашлялся, как будто это могло ослабить пульсирующую боль. Он прекрасно знал, что живёт по чужой милости. Что он наг и беспомощен на этом снегу. Бывший Колкагга привык бороться, привык рубить всё, что ему угрожает, но это победить оказалось невозможным. Новое чувство приводило его в ярость.

– Трудно сказать, – ответил он. – Ты болтлив и много чего наговорил.

– Это не игра!

Клюв раскрылся. Ример схватился за горло, харкая кровью. Снег оросил красный дождь. Какое-то время стояла тишина.

– Если бы мы не встретились, тогда всё было бы проще. Но сейчас дела обстоят таким образом, что я хочу пощадить тебя. Из уважения. К тебе и к ней. Это не сложно.

Ример упал на снег.

– Уважение? Вот как ты это называешь? Из уважения к Хирке ты отправил её в Шлокну?

– Я отправил её к собственному народу. Там она получит заслуженный статус и поможет возвыситься нашему дому. Там ей будет лучше, чем в любом другом месте. И там её осчастливят так, как никогда не смог бы ты.

– Статус? – Ример рассмеялся. Во рту стоял привкус крови. – Думаешь, он сделает её счастливой? Ты её совершенно не знаешь, так ведь?

– Я её отец.

– Ты дерьмо.

Ример ждал болевого удара, но его не последовало. Он перекатился на спину и прикрыл лицо рукой. Холод начал пробираться под кожу.

– Попробуем заново, когда ты будешь склонен вести себя более цивилизованно.

Губы Римера задрожали, но он не ответил. Ярость тлела вместе с Поток. Она увеличивалась с каждым ударом сердца.

Грааль продолжал, как будто одержал победу:

– Ты лишился власти. Усложнил мне жизнь. И сейчас должен позаботиться о том, чтобы Даркдаггар не получил контроль над Колкаггами.

– Считаешь меня идиотом? – Ример проглотил кровь. Его не удивляло, что их объединяют общие цели. Никто из них не хотел встретиться с Колкаггами на поле боя.

Грааль вздохнул и смягчил боль. На юношу словно подуло холодным бризом.

– Без меня ты безусловно был бы идиотом. Радуйся, что принял клюв. По крайней мере, я могу поддерживать в тебе жизнь.

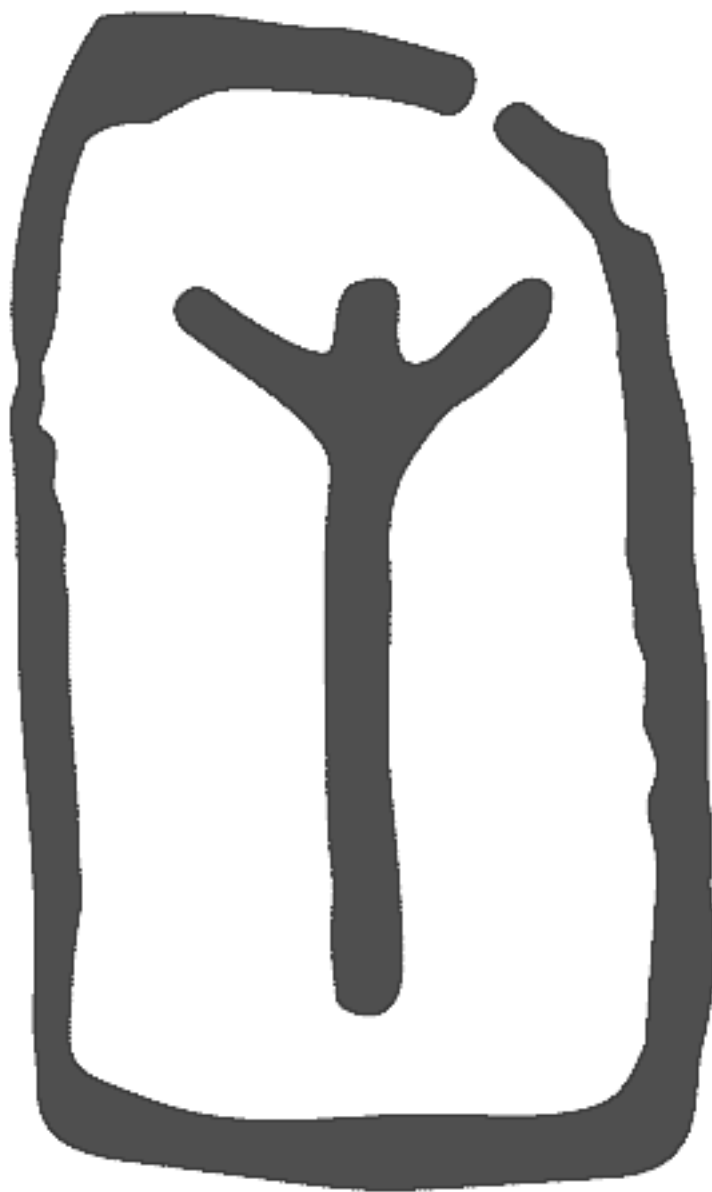
Ример полз обратно к озеру.

Жизнь... Как долго? До конца войны? До тех пор, пока я откажусь делать то, что нужно тебе?

Он инструмент. Оружие. Раб. Но если Грааль считает, что бывший Колкагга будет сражаться на стороне слепых из страха испытать боль, то сильно ошибается.

– Я скоро свяжусь с тобой, – произнёс Грааль. – Надеюсь, к тому времени ты восстановишь контроль над Колкаггами и они будут готовы выступить против Совета.

Ощущение чужого присутствия прошло. Ример снова остался один. Он погрузился в воду. Тепло окутало тело, но он так и не перестал дрожать.

На дне

– Первые семьи по-прежнему живут выше всех. Видишь? – Уни кивнула на край кратера.
– Это самые старые постройки Гиннунгада.

Хирка откинула голову назад и попыталась посмотреть вверх в указанном направлении так, чтобы никто не увидел глаз полукровки под капюшоном. Это было обязательным условием, с которым её выпустили в город.

Упомянутые Уни дома находились в огромных пещерах на северной стороне стены кратера, были высокими и состояли из многих блоков, как будто росли из скалы.

Сотворённые Поток.

Они шли по дороге, которая спиралью спускалась вниз. Уни остановилась.

– Вон там. Язык ораторов. – Она указала на место, расположенное чуть ниже их в стене кратера и похожее на начало моста. Каменный выступ словно вырос из скалы. – Оттуда делают все оповещения. Оттуда объявят новость о твоём прибытии, если тебя примут.

Хирка посмотрела на серый язык. Казалось, что с этого места проще свалиться вниз и погибнуть, чем произнести речь. Хотя, пожалуй, ни одна альтернатива не выглядела привлекательной.

Выступ располагался слишком низко и не мог быть частью правящего дома, который находился на самом верху.

– Я думала, язык принадлежит дому Ход?

– Так и есть, – ответила Уни. – Всё, что ты видишь между вершиной и языком, – дом Ход.

– Хм...

Колайль кашлянул, как будто хотел что-то добавить, но промолчал. Он тенью следовал за ними. Всегда за спиной. Ему единственному было позволено сопровождать их. Все знали, что Хунгль и Тила – слуги в доме Модрасме, поэтому привлекали бы нежелательное внимание. Наверняка кто-нибудь задался бы вопросом: «Что за девушка в плаще ходит с ними?» А вот в сторону павшего никто и не смотрел. Даже с отвращением.

Мимо просеменили две женщины, несущие разноцветный ковёр. Уни сделала незаметное движение рукой, и Хирка опустила голову, глядя себе под ноги, пока те не прошли.

– Бессмысленно, – прошептала девушка. – Моё возвращение уже не является тайной.

В последнее время семья получила ряд приглашений и подарков. Многие указывали на то, что по городу поползли слухи. Что-то случилось, и это что-то изменит статус дома Модрасме.

Уни вымученно улыбнулась, подождала, пока женщины не отойдут на приличное расстояние, и только потом ответила:

– Ты связана с судьбой народа. С вратами и Поток. А потому являешься самой большой и важной новостью со времён войны! – Она огляделась по сторонам и снова понизила голос: – Ты дочь Грааля. Как думаешь, что сказал бы дом Ход, если бы кто-то увидел тебя раньше их? Это немыслимо! Думай, что говоришь!

Хирка уже слышала это раньше. Много раз. Они ждали встречи с домом Ход. Готовили к ней полукровку, которая должна будет принести сердце Наизэля в подарок и получить ответный дар. Нечто невероятное, чего она и вообразить себе не может, как ей сказали. Следовало испытывать любопытство, но на самом деле у неё мурашки бегали по коже. Хирка ждала этой встречи и подарка почти так же, как собственного Ритуала.

– Давай пойдём в пещеры, – сказала она. – Там нет Дрейри. Там никому нет до нас дела.

Уни нервно потёрла руки, явно разрываясь между желанием сделать выговор и обязанностью служить. Между отказом и послушанием.

– Не понимаю, что тебе там делать. В пещерах растут только корни да грибы. И южная сторона – не место для тебя, ты же поняла это, когда попала туда? Кроме того, я ещё не поговорила с портными и...

– Уни, если я немедленно не увижу того, что растёт из земли, то сойду с ума.

Служанка вздохнула.

– Кесколайль, тебе знакомы эти земляные пещеры? Ты знаешь дорогу?

Хирка ощущала укол неприязни всякий раз, когда кто-нибудь неправильно произносил имя мужчины. Это маленькое слово о многом говорило. О том, что он является падшим. Убийцей. И о том, что кроме приставки «Кес» остальное не имеет значения.

Колайль кивнул, совершенно не задетый тем, от чего кровь Хирки вскипала, и повёл их по улице прочь от кратера, кое-где срезая дорогу. Узкие лестницы и верёвочные лифты соединяли разные уровни.

Хирке до сих пор так и не удалось понять, как в этом мире относятся к вспомогательным средствам передвижения. Лошади не годились, потому что служили демонстрацией слабости и неспособности ходить самостоятельно. Верёвочные лифты же – совсем другое дело, потому что летать не может никто. И показать это не зазорно.

Некоторые инструменты считались более постыдными, чем другие. Ножи, к примеру, служили признаком недостаточной остроты когтей, а вот работать кистью было нормально. Всё оружие и приспособления оценивались по тому, насколько унижительно выглядело ими пользоваться.

То же самое касалось одежды. Вырядиться в меха являлось равнозначным объявлению о неумении выжить в собственной шкуре, а вот тонкий плащ мог служить украшением. Двери дозволялось запирать, поскольку в домах имелись незаменимые вещи, которые не следует портить, а не потому, что обитатели дома боялись нападения. Выступающие из скальной породы балконы не огораживали, потому что никто не опасался свалиться с них. Во всяком случае, никто не показал бы страха.

Постоянное балансирование между выживанием и демонстрацией силы окружающим. Гиннунгад кипел от спеси.

Колайль свернул в узкий переулок, который вывел их на южную сторону. Хирка узнала местность по косому мосту, который заметила в вечер своего прибытия сюда, но больше ничего разглядеть не успела, так как путники вошли в туннель. Он постепенно расширялся и превращался в другую улицу, которая пролегла уже не по дну открытой расселины, а находилась внутри скалы. В распахнутых окнах мерцали лампы, и лишь некоторые из проёмов были застеклены. Чем дальше, тем меньше встречались такие окна. Становилось теплее. Хирка не видела очагов, но теперь знала способ обогрева города. Горячая вода текла по каналам из источников, расположенных неподалёку от ледника. Причудливая система. Здесь имелись улицы с вертикальными стенами, покрытыми инеем, а на других шапка на вершине ледника таяла и капала вниз.

Народу становилось всё больше, слепые в этой части города носили более приличную одежду. Стало заметно не так много голых животов и посиневших от мороза бёдер. Возможно, в этом районе просто перестали изображать из себя всесильных? Вышли из гонки?

Уни зашагала медленнее, оглядываясь по сторонам. Было совершенно очевидно, что она чувствовала себя некомфортно.

– Здесь безопасно? – Она посмотрела на Колайля, чьё лицо даже не дрогнуло.

– Некоторые из нас живут в этом районе и пока ещё живы.

Хирка пошла рядом с суровым сопровождающим.

– Ты здесь живёшь? Покажешь мне, где?

Он не ответил. Девушка огляделась. Ветхие дома из камня и дерева ползли вверх по стенам пещеры, как будто какой-то великан поставил их друг на друга. Доносились крики из

пивных и шум. Хирка ожидала увидеть попрошайек, но их не было. У нищеты в Гиннунгаде оказалось не такое лицо, как в Имланде.

– Там, – отрывисто произнёс Колайль спустя какое-то время и кивнул в сторону нагромождения сараев, которое доходило почти до потолка пещеры.

– Который из них?

– Тот, со ставнями на окнах, – ответил мужчина. – Тот, куда нельзя заглянуть, потому что хозяин не любит, когда чужие суют свой нос в дела, которые их не касаются.

Хирка поняла намёк и больше вопросов не задавала. От Колайля пахло сладким дымом, и она подумала, что у него вчера выдался длинный вечер.

Извилистая улица спускалась дальше вниз. Воздух становился тёплым и влажным. Дорога закончилась продолговатой пещерой с гротами по сторонам. У ближайшего прохода стояла группа надсмотрщиков. Они взглянули на Уни и приосанились, та же прошествовала мимо безо всякого стеснения и исчезла в ответвлении. Хирка проследовала за наставницей, по пятам за ними шагал Колайль. Внутри было жарко, как в теплице. И здесь находились грядки. Грядки с землёй. С тёмной прекрасной землёй. Они располагались длинными рядами на крутых террасах. От знакомого запаха у Хирки ком встал в горле. Она подавила желание рухнуть на колени и начать копать почву руками.

Между грядками ходили Умпири, которые ухаживали за растениями. Девушка узнала грибы, коренья, лук... У некоторых слепых на спинах висели корзины, куда собирали урожай. Спины тощих рабочих горбились от многолетнего труда.

Мой народ голодает.

Слова Грааля. Беглянка из Имланда думала, он говорит о жажде Потока, но, возможно, всё было гораздо проще.

– Ты увидела то, что хотела? – резко спросил непривычно напряжённый Колайль.

Хирка посмотрела на него:

– В чём дело?

– Нам не следовало приходить сюда.

Девушка огляделась и поняла, что имеет в виду падший. Многие рабочие остановились и следили за одетой в мантию служанки одного из высших домов Уни, которая горделиво расхаживала между грядками так, будто они были её собственностью.

Хирка подошла к наставнице.

– Уни...

Пока та поворачивалась, ей в лицо прилетел ком земли. Служанка открыла рот от изумления. Грязь стекала с груди и налипала на мантию.

К ним подбежал надсмотрщик, схватил за горло бритоголового мужчину и задрал ему подбородок. Рабочий не сопротивлялся, задыхаясь. Его глаза были чёрными и пустыми. Хирка схватила Уни за руку.

– Останови его! Заставь прекратить!

Но глаза наставницы были чужими. Белыми. Ямочки на щеках, которые раньше казались милыми, внезапно превратились в отвратительные. Между полукровкой и Уни – пропасть. А ведь служанка походила на имлинг больше всех остальных слепых. И всё же они никогда не смогут понять друг друга. А сейчас не было времени даже пытаться.

– Уни, вели ему прекратить, или я покажу всем своё лицо. Я серьёзно.

Хирка коснулась капюшона, готовая привести угрозу в исполнение.

Наставница прошипела какое-то слово на умонийском, и Хирка обрадовалась, что ещё не успела выучить его. Надсмотрщик удивлённо вытаращился на них, но руку разжал. Служанка понеслась к выходу. Мантия развевалась у неё за спиной.

Колайль вытолкнул девушку из земляного грота, держась прямо у неё за спиной, как будто защищал. Она оглянулась. Бритоголовый мужчина тяжело дышал, потирая рукой горло,

и поглядывал вслед чужакам. Потом он застыл, словно увидел привидение. До Хирки дошло, какую ошибку она совершила.

Она не подумала. Забыла. И посреди всей этой неразберихи сделала именно то, чем угрожала. Встретилась с рабочим глазами.

* * *

Обратно они двигались той же дорогой, что пришли сюда. Уни не произнесла ни слова. Ямочки на щеках стали глубокими и злыми. Хирка попыталась сдержать испуг. Она отказывалась извиняться. Как и верить в то, что совершила что-то предосудительное. Что бы ни думала Уни. Что бы ни думал каждый Умпири в Гиннунгаде.

– Подожди... – Хирка стряхнула грязь со спины Уни. На какой-то миг показалось, что образованная служанка борется с собой. Но потом та опустила плечи.

– Тебе многому предстоит научиться, я знаю. Понимаю. Но как я могу тебя чему-нибудь научить, когда ты меня не слушаешь?

– Я никогда не освою науку наказывать невиновных, Уни.

– Невиновных? Он кто угодно, но только не невиновный! Ты что, ничего не видела?!

Колайль стоял поблизости и украдкой бросал на них взгляды.

Глаза Уни сверкали. Этого легко было не заметить, потому что её выдавали только переменчивые отблески на белках.

– Я не стану рассказывать твоей семье о том, что сегодня случилось, так как хочу списать это на твоё незнание. Ты не понимаешь, как функционирует этот мир.

Хирка чуть было не фыркнула. Наверняка Уни собирается держать рот на замке не ради ученицы, а ради себя самой.

– Я не понимаю, как функционируют любые миры. Ни этот. Ни мир людей. Ни мир имлингов, хотя и выросла там. Единственное, в чём я разбираюсь, это вот в чём, – она ударила себя кулаком по груди в том месте, где находилось сердце. – И я знаю, что никого нельзя убивать за то, что он бросил ком земли.

– Дело не в проклятой грязи!

Прохожие начали оборачиваться. Колайль положил руку на спину Хирки, направляя их с Уни в проход между двумя лавками, которые торговали походными мешками и шестами. Служанка понизила голос и продолжила:

– Дело не в земле. А в том, что они позволяют себе такое, чего раньше ни за что не позволили бы.

– Кто позволяет? И почему?

Уни сделала глубокий вдох.

– Ты должна понять, что на протяжении долгого времени вещи менялись. Всё началось в период после войны, когда мы копали землю в поисках Потока. Многие верховные дома переезжали как можно ближе к кратеру и вытесняли внемомных. Внезапно оказалось, что не только власть имущие живут высоко. Все перемешались. И с тех пор вещи изменились, хотя кое-какой порядок удалось восстановить.

Краем глаза Хирка заметила, что Колайль следит за их разговором. Прислушивается. Уни тихо продолжала:

– Торговля пострадала от отсутствия Потока. Предметы искусства, созданные до войны из потокового стекла, оказались украдены или разрушены, их продавали по всему миру. Цены стали до смешного высокими, потому что все понимали, что больше таких вещей создано не будет. Продав стекло из твоей спальни, можно выплатить зарплату целому городскому району, и самые жалкие ничтожества отдадут себе в этом отчёт! Ты понимаешь, о чём я говорю? Дальше будет только хуже.

Хирка подозревала, что понимает ситуацию лучше, чем сама Уни, но вслух этого не произнесла.

– А почему будет хуже?

Уни взглянула на Колайля. Он фыркнул.

– Думаешь, я этого не знаю?

Хирка посмотрела на них обоих и постаралась подумать, как Умпири, посмотреть на вещи так, как они. И ей это удалось.

– Возможно, ты знаешь, Колайль, но Уни не хочет, чтобы ты слышал, как она это произносит.

Мужчина подошёл к ним и зарычал:

– Я могу произнести это за неё! Жалкие ничтожества делают то, чего раньше никогда не позволяли себе, потому что *могут*. Дрейри имели превосходство со времён Первых. Они являлись более плодовитыми и обладали более тесной связью с воронами. Верховные дома имели превосходство над низшими. А низшие имели превосходство над внедомными. Так было всегда. Но без Потока они стали не лучше остальных. И теперь не в состоянии похвастаться ни силой, ни могуществом. Без Потока мы все равны.

Двое слепых смотрели друг на друга, как дикие кошки. Никто из них не являлся Дрейри, но воспринимали ситуацию совершенно по-разному.

А я? Кто я?

Уни осторожно опустила руку на спину Хирки, чтобы увести её в сторону от Колайля.

– Ты играешь своей жизнью, Кесколайль, – произнесла она, не глядя на него.

Мужчина не ответил, вероятно потому, что уже неоднократно обманывал смерть, и посмотрел на Хирку.

– Я могу идти? – спросил он. Горечь в голосе скрыть оказалось невозможно. Девушка кивнула и проглотила чувство вины за то, что была той, кто мог дать такое разрешение. Падший повернулся к ним спиной и ушёл.

Всю дорогу домой между Хиркой и Уни висело звенящее молчание. Ученица надеялась, что после возвращения всё наладится, но стало только хуже. В доме Модрасме было тихо, как в Шлокне.

Что случилось?

Скерри стояла, сложив руки на груди, и смотрела в окно, не удостоив вошедших даже взглядом. Раун склонился над столом. Рыжие волосы отражались в чёрном стекле. Дед взял какую-то пластину и протянул Хирке.

– Поздравляю, – произнёс он, но его слова звучали совершенно не радостно.

Девушка взяла тонкий круглый диск, изготовленный из чего-то среднего между стеклом и камнем. Потоковое стекло.

На поверхности пластины были вырезаны непонятные буквы.

Хирка заставила себя спросить:

– Что это?

Раун выпрямился.

– Приглашение. Настало время встретиться с домом Ход.

– Первое после войны, – раздался голос стоявшей у окна Скерри. Припорошённое пеплом стекло отбрасывало длинные тени у неё за спиной.

Хирка посмотрела на символы. Неразборчивые знаки, которые смешивались в какую-то бессмыслицу. Руки задрожали. Что-то укололо палец. Выступила капля крови. Девушка порезалась о край пластины.

Счастличик

Разразилась буря. Снег, который сдувало с ледника, с неравномерным звуком бился в окно. Спать было невозможно.

Хирка таращилась в потолок, на своё отражение в полированной поверхности камня. Всё было чёрным: стены, одеяло, подушка. Подвесная корзина-кровать. На фоне всего этого выделялась только кожа и растрёпанные рыжие волосы девушки. Казалось, она тонет в бесконечном чёрном море.

Если она утонет, то хотя бы не придётся вставать завтра утром и встречаться с домом Ход.

В висках пульсировала боль – результат четырёх суток интенсивных занятий языком и заучивания имён. Дочь Грааля учили правильно себя вести: что можно делать, а чего нельзя, когда она предстанет перед Ход и Тиром из правящего дома. Хирка ещё не встречалась с ними, но заранее ненавидела, потому что все разговоры велись только о них. И потому, что сейчас она не спит тоже из-за них.

Но и портной наверняка не спит, чтобы закончить её наряд к завтрашнему дню. Платье... От одного этого слова хотелось чесаться. Девушка перевернулась на бок.

Эта встреча имела огромное значение для всех, надежду вернуть дому утраченное когда-то величие. Почти трагедия. Но Хирка пообещала Граалю вернуть им честь.

И Поток...

Это слово она, естественно, сдержать не сможет. А после объяснения Колайля всё усложнилось. Поток создавал неравенство в обществе. А ещё определял статус и давал преимущество Дрейри. В таком случае разве отсутствие Потока не являлось благом?

Мысли бегали по кругу в переутомлённом мозгу.

Кроме Рауна, никто не верил, что у Хирки всё получится в доме Ход, об этом ей было известно. Меньше всех в неё верила Скерри. Неизвестно, что было хуже: надежда восстановить честь семьи или угроза со стороны тех, кто казался уверенным в провале?

Цена неудачи – вот самое страшное.

Если дочери не удастся сдержать обещание, Грааль найдёт другие способы. Купит себе статус, отправив Умпири через врата. К Поток. Сколько? Интересно, он пошлёт в Имланд только членов семьи или весь Гиннунгад, каждого трупорождённого из Дрейсиля?

И как недавно обретённый отец поступит с Римером?

Хирка положила ладонь на горло и представила себе, каково это, когда внутри тебя находится клюв. Останки мёртвого ворона. Она помнила запах Урда в тот раз на Бромфьелле. Гниющую дыру в его горле... Сердце сжалось.

Должен существовать способ спасти Римера. Если бы только удалось встретиться с всевидящим... С тем, кто знает способы освободиться от рабства. Возможно, Грааль будет помехой. Он, конечно, не захочет терять новую марионетку.

Хирка сжала виски руками. Слишком много ожиданий. И положиться не на кого.

Она села, проползла по раскачивающейся кровати к отверстию в бортике и выбралась наружу. Затем подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Созданному Поток. С вкраплениями пепла. Сплетенному вручную из живого камня. И настолько дорогому, что и представить невозможно.

Хирке больше не сиделось взаперти и отчаянно хотелось выйти наружу. После получения того приглашения глоток свежего воздуха удавалось сделать только стоя на балконе. Она находилась в тюрьме, хоть и роскошной.

Хирка натянула собственный свитер, штаны и сапоги, накинула плащ и надвинула капюшон. Засунула нож за голенище.

В последние ночи в городе было беспокойно. Внедомные били стёкла, воровали ценные вещи и жгли все остальные. Улицы патрулировали стражники, но в таком большом городе, как Гиннунгад, такая мера не помогала.

Это всё из-за меня.

Хирка знала: её уже видели. Она являла собой доказательство того, что ворота вновь открыты. Что-то затевалось, и Умпири чуяли это.

Но она выйдет ненадолго. Просто немного прогуляется, чтобы освежить голову, и будет держаться вдали от народа и от опасных районов.

Приоткрыв раздвижную дверь, Хирка выглянула в коридор и услышала, как Вана хихикает в своей комнате. Затем донёсся лёгкий стон. Видимо, опять явился не представленный пока жених, как и обычно по ночам. Лучше пойти в другую сторону.

Балкон.

Хирка нашла походный шест, открыла дверь на балкон, приложив усилия, чтобы побороть сопротивление ветра, и вышла на гладкий каменный парапет. Дорога вниз была скользкой от слякоти, но довольно широкой и давала возможность пройти по ней, не свалившись на дно кратера. Нельзя сказать, что это стало бы плохим исходом. Тогда не потребовалось бы встречаться с проклятым домом Ход.

Хирка спрыгнула на тропинку, спустилась по лестнице на уровень ниже, где было спокойнее, хотя по-прежнему доносился шум непогоды на леднике. Потом вошла в ближайшую расселину и попала на одну из самых больших улиц.

Следовало быть осторожной и двигаться по безопасным местам. Но чувство свободы опьяняло. На мостах развевались вымпелы. Пар из отопительных шахт вылетал через отверстия в стенах, но Хирка уже научилась обходить их. Даже ночью на улицах былолюдно. В кабаках торговали табаком и напитками. Стеклодув трудился в мастерской с открытой дверью. Чем дальше девушка забиралась, тем оживлённее становилось вокруг. Лаяли собаки. Из пивных доносились песни и музыка. Хотелось сжать в объятиях все эти звуки от радостного осознания, что во всех мирах существуют одинаковые вещи. Даже здесь, где жизнь длится несколько тысяч лет, а едят при помощи когтей. И всё же обитатели города слепых пили, как и во всех других мирах. Играли. Курили. Любили. Кричали и вопили.

Вопили?

Хирка остановилась, услышав звук разбитого стекла. Мимо бежали Умпири и толкали её. Крики возобновились, заставив полукровку забиться в узкий проулок.

Шум... И конечно, её занесло именно сюда. Девушка ощутила страх, сообразив наконец, что ушла дальше, чем планировала. Надо возвращаться!

Хирка осторожно шагнула на улицу, но очутилась под дождём падающих горящих тряпок и вновь попятилась, стараясь слиться с темнотой. Звуки, которым беглянка только что радовалась, смолкли. Теперь она слышала возгласы страха. Ярости. Слепые проносились мимо. У кого-то имелась капля на лбу, у кого-то нет. Бежали стражи вперемешку с преступниками. Кто из них был восставшим, а кто мог помочь? Определить казалось невозможным.

Хирка пришла в отчаяние. Через какие-то сутки ей предстоит встретиться с домом Ход, а она до сих пор не понимает, кто есть кто в этом городе. Она по-прежнему остаётся чужаком. Глупым чужаком, который может погибнуть в любую минуту.

Нет! Живи, не умирай.

По улице прокатились чёрные клубы дыма, который начал просачиваться в проулок. Хирка прикрыла рот капюшоном и забралась глубже. Сумеет ли она отыскать другой путь домой? Что ещё предпринять? Идти было некуда.

Колайль...

Она находилась не очень далеко от его дома. Все главные улицы расходились от кратера, а значит, эта расселина вела к южному району. Но там Уни не чувствовала себя в безопасности. От него следовало держаться подальше...

За спиной у Хирки взорвалась бутылка. Кто-то открыл окно и что-то прокричал сверху. Лучше оказаться в плохом районе, чем оставаться здесь.

Хирка побежала по проулку, который вывел её к южной части города, где тоже стоял шум, узнала туннель в пещеры, пересекла развилку и зашла в него. Звуки тут же стали тише. В прошлый раз здесь было оживлённо. Сейчас же по пути почти никто не встречался. Стулья перед пивными пустовали. Пара слепых пронеслась мимо девушки в сторону беспорядков. «Наверное, чтобы поучаствовать», – подумала она.

Косые дома громоздились друг на друге по обе стороны улицы, едва покачиваясь. Удивительно, что они давным-давно не обрушились. В окнах горели огни. Чем выше, тем пламя казалось меньше, и становилось понятно, насколько высокими были гроты.

Лестница, ведущая к жилищу Колайля, вилась между домами. Хирка слышала брань из лачуги поодаль. Судя по запаху, где-то рядом находился общий туалет.

В темноте под балконом стоял долговязый мужчина. На его лице читалось наигранное равнодушие, свойственное продавцам сырья для изготовления лекарств. Приёмная дочь целителя выросла с одним из таких и хорошо знала такой тип людей. И ещё знала, что только единицы были похожи на её отца, поэтому поспешно зашагала вверх по лестнице и отыскивала дверь, которая, как надеялась Хирка, вела в жилище Колайля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.